

Просроченная виза

Автор:

Фридрих Незнанский

Просроченная виза

Фридрих Евсеевич Незнанский

Марш Турецкого

У ворот Генеральной прокуратуры взорван в собственном автомобиле известный бизнесмен, который приехал дать показания против своих же партнеров, самым наглым образом «кинувших» его.

В процессе расследования преступления «важняк» Александр Турецкий убедительно доказывает, что закон, вопреки твердому убеждению ворвавшегося во власть криминала, существует и действует, а время «неприкасаемых» в России подходит к концу.

Фридрих Незнанский

Просроченная виза

Глава первая

Сестры

– Здравсте, уважаемая! – Турецкий широко улыбнулся, входя в приемную начальника МУРа. – Позвольте полюбопытствовать, сам... у себя?

– Алексан Борисыч! – приветливо расцвела секретарша. – Рады вас видеть! Присядьте, сейчас выясним. – Но прежде чем взяться за трубку внутренней связи, она доверительно сказала: – У Вячеслава Иваныча прием по личным вопросам. Я узнаю.

Подойдя к столу секретарши, Турецкий пошарил в карманах пиджака, для чего пришлось распахнуть пальто, и извлек горсть разнообразных конфет – от карамелек в ярких бумажках до обернутых в разноцветную фольгу шоколадных полусфер.

– Откуда это у вас? – удивилась секретарша.

– Приказано беречь здоровье и пить больше чаю, – многозначительно произнес Турецкий и вывалил конфеты прямо на бумаги, лежавшие перед ней.

– С вами все понятно! – кокетливо заявила секретарша. – Надо полагать, снова кукуете?

– От вас ничто не может укрыться, уважаемая Людмила Ивановна, – вздохнул Турецкий, – сыщик вы наш ненаглядный!

Впрочем, никакой особой тайны тут не было. Семьи большинства ответственных работников Генеральной прокуратуры еще накануне Нового года дружно переселились на Истру, в так называемый реабилитационный центр, а попросту – в ведомственный санаторий, окруженный госдачами руководства. Естественно, приходилось навещать Ирину с Нинкой и Александру Борисовичу. Но нечасто. Это было хорошо известно Грязнову, а значит, и его секретарше, нередко помогавшей Турецкому «выдернуть» Вячеслава Ивановича с какого-нибудь очередного совещания. Турецкий как-то не очень освоил «новорусский» метод общения во время ответственных заседаний с помощью сотовой связи и терпеть не мог, когда у кого-то в кармане вдруг раздавалось наглое треньканье, якобы придающее значительности владельцу «мобильника».

– Они, как всегда, отдыхают, ну а мы, тоже как обычно, пашем! – с деланной безысходностью пожаловался-похвастался Турецкий.

– Ах, боже мой! – молитвенно сложила ладошки Людмила Ивановна. – Страдальцы вы наши ненаглядные! Да кто ж вам поверит?

– В том-то и беда... – сокрушенно вздохнул Турецкий. – Во цвете лет сгораем на службе!

– Ай-я-яй! – хитро смеялась Людмила Ивановна, женщина пожилая, но вовсе не лишенная природного кокетства, демонстрируя Турецкому свое глубокое понимание грешной мужской натуры. – Между прочим, можете снять свое пальто, у нас не холодно.

Поворачиваясь к вешалке, Турецкий вздрогнул, будто от толчка. Взгляд его заметался при виде белокурой женщины, сидящей на стуле у стены. Как же это он сразу-то ее не заметил, занятый легкой пикировкой с секретаршей!

Молодая женщина была небрежно «окутана» мехами, нога на ногу... Но – какая нога! Вмиг окинув ее цепким профессиональным взглядом – всю, от кончика модного сапожка до расчетливого беспорядка пышной прически, – Александр Борисович сделал задумчивое лицо. А бесовские мысли тут же подкинули вывод, что с «личными вопросами» у начальника МУРа, кажется, все в полном порядке. И совсем не исключено, что, если так пойдет дальше, семья одного «важняка» может лишиться на сегодня отца-мужа. И Костя Меркулов, уже отбывший вместе со своей неразлучной Лелечкой на уик-энд, вряд ли найдет для Ирины убедительные доказательства особой занятости своего дорогого сотрудника. Но эти мысли мелькнули так, сами по себе, безо всяких оснований. Скорее по обычной разгильдяйской мужской привычке.

– Вячеслав Иванович, – сообщила в трубку Людмила Ивановна, – здесь Александр Борисыч... Слушаю. – Она положила трубку и улыбнулась Турецкому: – Шеф считает, что вы ему не мешаете. Пожалуйста.

Уходя в кабинет Грязнова, Александр Борисович обернулся к даме, запоздало склонил голову, здороваясь, на что она ответила игриво-снисходительным кивком, и подумал: «А в ней тот еще чертик сидит!»

Грязнов облокотился на свой огромный письменный стол. Напротив, у приставного столика, сидела женщина в форме с погонами капитана милиции. Чем-то неуловимо она напоминала ту, в приемной, – может быть, цветом волос или слишком правильными, почти кукольными чертами лица. Она лишь подняла глаза, печально взглянула на Турецкого и снова уткнулась в свои сжатые в замок пальцы. Грязнов же поднял руку и широким жестом предложил Турецкому

садиться куда ему самому угодно. Александр и сел у окна, чтобы видеть сумеречное лицо женщины.

– Извините, Татьяна Кирилловна, что перебил вас. Александр Борисович не помешает нам. А вот совет наверняка сможет дать самый подходящий. Давайте продолжим, я вас слушаю.

Но едва женщина приготовилась говорить, жестом остановил ее и повернулся к Турецкому:

– Тут такая ситуация, Саня. Татьяна Кирилловна работает у нас в отделе учета. У нее есть сестра, младшая, как я понял, да?

Женщина кивнула.

– Это не она ожидает в приемной? – улыбнулся Турецкий.

– Да-да, – почему-то хмуро снова кивнула Татьяна Кирилловна.

– Вы с нею очень похожи, – поощрительно заметил Турецкий.

– Ну что вы, у Элины – броская внешность, – продолжала хмуриться Татьяна, и сказала так, будто она осуждает за это свою младшую сестру.

– Ну хорошо, не суть важно, – отмахнулся Грязнев. – Так вот, Саня, Элина замужем. Ее супруг – крупный бизнесмен. Женаты они очень давно, живут, по уверениям Тани, – кивнул в ее сторону, – так себе. В общем, почти банальная, как я понял, история. Молодая и несколько взбалмошная девица и дядечка уже в возрасте, пообещавший ей если не луну, то ожерелье из лунного камня. Я сознательно попросил Элину подождать в приемной, чтобы выслушать сперва более опытного человека.

– Ну и что? Шлепнули его? – не очень тактично «взял быка за рога» Турецкий.

– Да бог с вами! – вскинулась Татьяна.

– Тогда какие проблемы? – удивленно поднял он брови. – Разве «папик» не знал, на ком женится?

– Да дело совсем не в Элине! – воскликнула Татьяна. – Перед тем как это случилось, ему звонили какие-то люди, видимо, угрожали, чего-то требовали... Ну и вот... А Элка расстроена и просто не знает, что предпринять...

Из сказанного явно на нерве Турецкий понял две вещи, говорить о которых, естественно, не собирался: во-первых, с «папиком» действительно случились крупные неприятности, а во-вторых, на его опытный взгляд, Элина вовсе не была убита горем и растеряна, как представляется ее сестричке. Впрочем, всякий человек – загадка, а женщина – еще и за семью печатями.

– Ну так вот, Саня, – продолжил Грязнов. – С неделю, или чуть больше, это мы у супруги уточним, ее муж пропал. Исчез. Сгинул безо всякого следа. Утром был дома, а когда Элина вернулась перед обедом – пусто: ни самого, ни записки. И с тех пор – полная тишина. Никто не звонит, не объявляет его заложником, не требует выкупа.

– Может, сбежал от угроз? – предположил Турецкий и тут же сам себя поправил: – Нет, тогда бы звонки с угрозами продолжались. Значит, что, похитили? Со всеми вытекающими?..

– Тут еще один сволочный момент, – поморщился Грязнов. – Она была в милиции, понесла заявление. Не приняли. Вообще-то я могу их понять: ушел, сбежал, запил – мало ли поводов! Протрезвеет, сам обратно прибежит. Но, с другой стороны, человек вроде бы серьезный. Да и возраст... Ему что, пятьдесят уже?

– Пятьдесят два, – поправила Татьяна.

– Тем более...

– Если хотите мое мнение... – пожал плечами Турецкий. – Татьяна Кирилловна, вы хорошо знаете свою сестру?

– Достаточно, а что?

– А сами вы, извините за не очень тактичный вопрос, замужем?

– Да-а... Но какое отношение?..

– У вас, надо полагать, в семье все в порядке?

– Да. Но я не вижу... – Она растерянно уставилась на Грязнова.

– Поэтому, исходя из собственного жизненного опыта, вы, в общем, осуждаете положение вещей в семье сестры?

– Ну... как вам сказать?

– Честно! – хмыкнул Турецкий.

– Пожалуй... в чем-то. Но это в первую голову относится к ее мужу.

– Я почему-то так и подумал, – кивнул Турецкий. – Но я не собираюсь осуждать кого-то из них. Просто мне кажется, что с женщинами, подобными Элине, пожилых мужчин чаще всего связывает сильная страсть. Которая, в свою очередь, не бывает вечной. Люди устают, а страсть может превратиться в свою противоположность. Поэтому, возможно, не стоит думать о самом худшем. Не исключено, что милиция права: устал человек, решил проветриться. Тем более если имеются к тому средства и возможности.

– Мы с Элкой обсуждали и такой вариант, – сказала Татьяна, – но тут не сходится. Документы его на месте. А без них сегодня, сами знаете, и шагу не ступить.

– Если так, объявляйте в розыск. Сама-то она как считает?

– Да я думаю, пора бы уж и спросить, – заметил Грязнов и нажал клавишу интеркома: – Людмила Ивановна, попросите зайти Элину Кирилловну... Она сильно переживает? – обернулся он к Татьяне.

Но ответ на свой вопрос Грязнов получил от Турецкого, который едва заметно ухмыльнулся и подмигнул ему.

– М-да... – непонятно, в чей адрес, многозначительно бросил начальник МУРа и с интересом посмотрел на дверь.

Судя по его первоначальной реакции, впечатление было весьма изрядным. Однако сдерживали генеральский мундир и главенствующее положение в кабинете. У Турецкого же не было никаких препятствий. Он поднялся, ловко отодвинул стул у приставного стола, напротив Татьяны, и вежливым жестом пригласил даму занять место. Она неторопливо прошествовала к стулу и опустилась на него, раскинув в стороны полы мантии и одарив при этом Турецкого признательным взглядом. Она и устроилась полубоком, чтобы вернувшийся на свой стул у окна Турецкий мог свободно лицезреть ее всю. А лицезреть, как уже сказано, было что. Чем теперь, собственно, Александр Борисович и занялся, нисколько не стесняясь присутствующих.

Татьяна, разумеется, не могла не видеть вызывающих пассажжей младшей сестры и снова нахмурилась. Нет, никаких особых страданий не читалось на открытом челе этой... чего уж там выдумывать, роскошной телки. Но тогда кой черт ее принес сюда? А может, здесь вовсе и не ее инициатива? И в голове Турецкого снова сами собой стали возникать и выстраиваться в пеструю картинку до изумления фривольные мысли. А к чему они в конце концов приводят, он прекрасно знал. Уловив и ее беглую заинтересованность, Турецкий подумал, что такой случай не стоило бы упускать. И значит, все остальное – дело техники.

Оставалось выяснить лишь одну маленькую, однако весьма существенную деталь: не перебежит ли он своей инициативой дорожку Вячеславу Ивановичу? Может, у генерала уже сложились свои взгляды на этот счет?

И еще вопрос: почему эта симпатичная женщина в милицейских погонах так уж явно не одобряет поведения сестрицы? Почему именно она волнуется, а лицо якобы пострадавшей никакого отчаяния не выражает? Может, никакой тут не бизнес с разборками и похищениями, угрозами жизни и исчезновениями, а обыденная житейская драма?..

Окинув внимательным взглядом и ту и другую, Турецкий пришел к выводу, что и Татьяна, если быть справедливым, тоже весьма привлекательна, однако на любой женщине норковое мантии предпочтительнее милицейской формы...

– Ваша сестра, Элина, – задумчиво заметил Грязнов, также понявший, что душевные страдания этой броской бабенки в дорогих мехах, скорее всего, просто навоображала себе заботливая старшая сестра, – посвятила нас в ваши проблемы. В общих чертах. Но для определенных выводов, как и для просто профессиональных и житейских советов, нам необходимо знать некоторые детали происшествия, а также всего того, что ему предшествовало. Думаю, в ваших интересах довериться нам полностью, поскольку только в этом случае мы сможем высказать какие-либо предположения.

– Это просто смешно! – Она удивленно округлила свои голубые глазки. – Ну что, скажите, можно еще предполагать, если человек провалился сквозь землю больше недели назад и не подает о себе никаких вестей? Ей-богу, зря ты, Танька, все это затеяла. Я о чем тебя просила? Поскольку сама работаешь в милиции, прикажи тем жлобам из нашего отделения, чтобы приняли мое заявление. А после пусть делают, что хотят. И чтоб меня потом не обвиняли, что я что-то знала, а скрыла. Мне это сильно надо, да? А если наедут, чего говорить буду? Простите, не в курсе? Так они и поверят?

«А решительности ей не занимать, – подумал Турецкий. – И язычок неплохо подвешен...»

– То есть вы заявляете, что искать никого не надо? – сухо и неприязненно осведомился Грязнов. – Что все происшедшее в порядке вещей?

– Ну не знаю, – капризно повела плечами Элина. – Лично я никогда не лезла в ихние разборки!

Последняя фраза прозвучала вульгарно, словно из уст раздраженной базарной торговки, что никак не соотносилось с обликом Элины.

– Что вы имеете в виду? – мрачно настаивал Грязнов.

Татьяна, заметил Турецкий, была явно растеряна и осуждающе смотрела на Элину, а та легкомысленным козленочком будто перла напролом, напрямик в пасть к серому волку.

– Да брось ты темнить, Танька! В конце концов ведь не твой козел пропал, а мой! Видишь, здесь мужики нормальные, все понимают, – это она сказала

определенно в адрес Турецкого, даже слегка подмигнула ему, словно соучастнику своей тайны. Татьяна же, шокированная грубым «козлом», помрачнела и ушла в себя. – А имею я в виду все эти алкогольные дела!

Ни Грязнов, ни Турецкий ничего не понимали. Брошенные в раздражении фразы Элины позволяли толковать их в каком угодно направлении, в частности не самом выгодном для обеих женщин. Грязнов с недоумением уставился на Татьяну, будто она подвела его под монастырь, ничуть не меньше. Чувствуя его взгляд, Татьяна густо покраснела, потом по щекам ее разлилась бледность. Турецкий тут же подал ей стакан воды, и Татьяна выпила ее несколькими судорожными глотками. Ни дать ни взять – на глазах разворачивалась какая-то непонятная пока драма.

– Мужики мы с Вячеславом вполне нормальные, это вы, девочки, правильно заметили, – решил вмешаться Турецкий. – Поэтому давайте не будем доводить дело до абсурда. Начнем сначала. И по порядку. Элина, чем конкретно занимался ваш муж?

– Водкой торговал! – с вызовом ответила она.

– Нормальное дело. Где?

– У него база, называется «Алко-сервис», в Южном Бутове, ну рядом с таможней. Вот он и торгует конфискованной водкой. На законных основаниях, можете не беспокоиться.

– А мы и не беспокоимся. Значит, с некоторых пор его стали шантажировать?

– Звонили, угрожали... Там пожар был. Потом опять наехали...

– Кто, вам известно?

– А что, по-вашему, мне жить надоело? Или я уже ни на что не годжусь?

– Спокойно, – хмыкнул Турецкий и предостерегающе поднял ладонь. – Еще как годитесь!

– Успокоили... – удовлетворенно констатировала она.

– Ясно. Значит, имена шантажистов вам неизвестны. И муж ничего вам не говорил о них, верно? Чтоб вы, Элина, не дай бог, не сболтнули чего лишнего. Молодец, он все предусмотрел. Кроме одного: мы не знаем, кто его конкуренты и где теперь его искать. Но попробуем подойти с другой стороны. Скажите, Таня, а ваш муж знаком с..? Кстати, Элина, как его зовут, этого вашего?.. – Турецкий чуть не сказал «козла», но с улыбкой сдержался.

Однако Элина поняла, о чем он подумал, и ответила с презрительной гримаской:

– Силин его зовут. Ефим Анатольевич Силин. Фима.

– Спасибо. Так они знакомы? Таня, я у вас спрашиваю.

– Мой супруг, Иван Игнатьевич Шацкий, знаком с Ефимом Анатольевичем Силиным, поскольку мы являемся родственниками. В некотором роде, – строго и отчужденно ответила она, будто на допросе. – Но общие дела, насколько мне известно, наших мужей не связывали.

– Очень хорошо. А что, Силин не жаловался Шацкому на свои трудности? Запросто этак, по-родственному?

– Не думаю.

– А чем занимается Иван Игнатьевич?

– Он бизнесмен. Генеральный директор фирмы «Контакт». Она занимается юридическим обеспечением финансовых операций.

– Понятно. Консультации и прочее.

– Не только консультации... Но это неважно.

– Вы не знаете, он не смог бы помочь в прояснении этого вопроса? Я имею в виду Силина.

– Нет, – категорически ответила Татьяна.

– Почему?

– Его нет в Москве. Он в командировке. На Урале.

Турецкий мог бы поклясться, что при этом сестры как-то странно переглянулись, причем неприязненно. Будто их связывала неприятная тайна.

Александр взглянул на Грязнова, и тот лишь пожал плечами.

– Не знаю, какую помощь вы рассчитывали получить от нас, – сказал Вячеслав Иванович. – Вероятно, вам обеим что-то все-таки известно, но вы либо стесняетесь, либо просто не желаете поделиться своими сведениями. Как, Александр Борисович?

– У меня такое же ощущение. А что вам сказали в милиции, куда вы понесли заявление?

– Ответили прямо, что розыском заниматься не будут. Что тот нагуляется и явится домой сам.

– Вот буквально так? И вы, Элина, забрали свое заявление?

– Ничего я не забирала. Просто бросила, ушла, и все.

– А почему ж они так сказали? Что, имели к тому основания?

– А черт их знает! Может, потому, что Силин исчез вместе с машиной, не знаю.

– Какая у него машина?

– «Мерин». Ну «мерс» триста двадцатый, черный, говорят, представительский.

– Не хило, – покачал головой Турецкий. – Значит, пропал вместе с «мерседесом»? Больше недели назад? А вы практически до сих пор даже не чухнулись?

Извините.

– Пожалуйста, – усмехнулась она. – Нет, видите, чухнулась. А меня ваши коллеги послали. Я и пошла. – Она беззаботно улыбнулась и в упор уставилась на Турецкого, словно спрашивая: ну, какое я на тебя произвожу впечатление?

«Хорошее», – хотел сказать он, но спросил другое:

– Интересно, а что это за отделение? Где находится?

– У нас квартира на Комсомольском проспекте. А отделение – сто седьмое, почти напротив дома.

– А-а, первое РУВД! Можно сказать, соседи. Слав, поинтересуйся на всякий случай.

Грязнов вынул из ящика стола телефонный справочник, полистал и набрал номер.

– Николай Иванович? Приветствует Грязнов из МУРа. С прошедшими тебя! Как жизнь?.. А чего домой не идешь? Поздно уже!.. Понимаю, – Вячеслав вздохнул. – Ну раз задержался, дай мне справочку по одному вопросу. Там, в твоём районе, исчез, понимаешь, некто Силин Ефим Анатольевич. По-моему, уже больше недели. Родственник он моей сотрудницы. Супруга заявление приносила, но ей отказали, не в курсе? Узнай, пожалуйста... Я подожду.

Грязнов положил подбородок на руку с зажатой в ней трубкой и стал смотреть в окно. Все молчали. Наконец в телефонной трубке раздались какие-то звуки. Грязнов тут же прижал ее к уху. Долго и не перебивая слушал, кивая, будто соглашаясь, потом сказал:

– Сделай мне одолжение, возьми под свой контроль. А я, если не возражаешь, позвоню днями. Спасибо, и тебе того же. – Он положил трубку на место и оглядел присутствующих. – Ну что, девочки и мальчики, дело сделано, в розыск его объявят. А вот вам, Элина, придется подъехать к Зотову, начальнику первого РУВД, и поподробнее изложить сведения о муже. Будет возбуждено уголовное дело. А теперь, насколько я понимаю, больше ко мне вопросов у вас нет? Тогда

все, как говорится, свободны. Татьяна, возникнут новые проблемы, пожалуйста. До свидания.

– Элина, пойдем, – строго сказала Татьяна, поднимаясь.

– Иди, я тебя догоню, – ответила та и не сдвинулась с места. – Александр Борисович, у меня к вам небольшая просьба... – Элина тоже встала, поправила на себе норку, словно любуясь и ею и собой одновременно, и, дождавшись, когда сестра покинула кабинет, подплыла к Турецкому почти вплотную, окатив его волной терпких духов. – Вы не могли бы оказать мне услугу?

– Любую, – одними губами произнес Александр.

– Мне нужен деловой совет... как бы это сказать? – Она обернулась к Грязнову, застывшему с хитрющей улыбкой и наблюдающему за почти интимным диалогом. – Я бы хотела с вами посоветоваться о тех сведениях, которые должна буду изложить в милиции. Я никогда с этим не сталкивалась и поэтому не знаю...

– Можете полностью положиться на меня. В смысле на мои профессиональные знания. Когда вы хотели бы проконсультироваться?

– Видите ли... все зависит от вашего времени.

– Вячеслав Иванович, как ты полагаешь? Ведь надо помочь бедняжке? А то напутает чего-нибудь... Не то скажет, потом станет жалеть, да?

Грязнов тихо сотрясался, сдерживая смех. Но сказал серьезно:

– Святое дело, Саня. Как отказать красивой женщине! Ладно, только задержись на два слова. До свидания, Элина.

Она вышла из кабинета независимой походкой знающей себе цену женщины.

– Сильна! – покачал головой Грязнов. – Ну и что ты собрался делать? Неужто и в самом деле кинешься помогать?

– Да ведь нам с ней в принципе по дороге. Довезу. А там видно будет. Надеюсь, ты не сильно осуждаешь?

– Я о другом. Смотри не повесь на собственную шею это расследование.

– А зачем? Разве других дел у меня нет?

– Это так, но ведь видно, чем здесь пахнет. На фига тебе лишние заботы?

Грязнов иногда проявлял истинную мудрость библейского Змея.

– Тем более стоит постараться, чтобы этого дела никак не поручили мне. Ибо, согласно УПК, я могу оказаться лично, прямо или косвенно, заинтересованным в нем.

– Вон ты о чем? – засмеялся Грязнов. – Заранее соломку подстилаешь?

– Эх, где наша не пропадала!.. Слушай, а я тебе часом не... не перебежал дорожку?

– Можешь спать спокойно, дорогой товарищ, она совсем не в моем вкусе, пора бы и знать. Эти голенастые – по твоей части.

– Ну уж сразу и голенастые! – деланно возмутился Турецкий. – Что она, курица, что ли? Однако все-таки не следует заставлять терзаться сомнениями очень красивую и наверняка очень глупую женщину. Как ты полагаешь?

– Да, эти два качества, как ты заметил, к сожалению, часто стоят рядом, – философски произнес Грязнов и хлопнул приятеля по плечу. – Ладно, вали за ней! Когда совсем успокоишься, позвони, я – дома.

Насчет красоты у Турецкого никакого сомнения не было, а вот касательно ума – тут следовало обязательно проверить. На его наличие... А впрочем, на фига ей какой-то ум, если у нее такое шикарное манто! И такая фигура!!

Глава вторая

Охота на президента

Сестры явно ссорились. Турецкий видел их, стоящих посреди ярко освещенного фонарями двора и бурно жестикулирующих. Причем жестикулировала в основном Элина: ее распахнутое манто взмывало крыльями от резких движений рук. Татьяна же что-то ей определенно втолковывала, размахивая ладонью с растопыренными пальцами перед самым носом Элины. В левой руке у нее была тяжелая сумка.

Турецкий уже подумал было, что в создавшейся ситуации ему наверняка выпадет сегодня роль извозчика: с такой сумкой, как у Татьяны, по метро не побегаешь, опять же и джентльменство проклятое, куда от него. Зато и с Элиной потом никаких проблем не будет. Действительность же оказалась куда более приятной.

Выкрикнув в последний раз что-то наверняка резкое и оскорбительное, Татьяна повернулась и отправилась на стоянку автомашин, где навстречу ей «вякнула» приземистая «япошка». Слава богу, с ней в порядке. А вот Элина одиноко топталась посреди двора на своих высоких каблучках, обиженно кутаясь в манто.

Собираясь ее немного утешить, Турецкий сделал соответствующее выражение лица, но сразу понял, что ничего такого не нужно: мадам вовсе не была расстроенной. Наоборот, она живо подхватила его под руку и потянула к центральному выходу, объясняя, что там, напротив, у «Эрмитажа», припаркован ее джип. И сейчас они поедут...

– Погодите, – остановил он решительную женщину, – я ведь тоже на колесах. Как же я брошу здесь свою тачку?

– Вопрос! – многозначительно заметила она. – А оставить до завтра нельзя?

– А дела? – резонно возразил Турецкий.

– В субботу?! – изумилась она.

– Да, и в воскресенье – тоже... Давайте иначе. Я поеду следом за вами, Элина, а вы не сильно торопитесь. Какой джип-то?

– Темно-синий «мицубиси», номер ноль девятнадцать.

– Езжайте по Петровке до центра и направо, я догоню.

Выезжая со служебной автостоянки, Турецкий увидел, как резво взял с места здоровенный джип. Подумал еще: «На фига симпатичной бабе такой танк?» И тут же заметил, как за джипом тронулась темная девяносто девятая «Лада» и сразу пристроилась в хвост. Небось совпадение, решил Турецкий, но стал наблюдать более внимательно.

Элина вела машину без всякого уважения к правилам движения. «Лада» ни на шаг не отставала. Турецкий же, напротив, приотстал, чтобы не лезть на первый план и не светиться. И вообще, ситуация становилась, мягко говоря, забавной. Хвост, между прочим, мог быть и не один, а с напарником. Но Турецкий тщетно крутил головой, подобно летчику-истребителю, больше ничего подозрительного не обнаруживалось.

Машин на трассе было много, особо маскироваться не было нужды. Свернули на Волхонку, помчались по Остоженке, наконец вырвались на Комсомольский проспект. Хвост не был агрессивным, он просто следовал за джипом, не отставая, но и не перегоняя, не создавая для Элины аварийных ситуаций. Ну и ладно. Александр решил, что возле дома каким-нибудь образом он сумеет устроить преследователю небольшую проверку: в нынешних условиях повышенной милицейской бдительности наверняка где-нибудь там найдется машина ПДС.

Элина «причалила» на малой дорожке возле рыбного магазина «Обь». «Лада» чуть проехала вперед и тоже притерлась к бордюру. Из нее никто не выходил. Сидела в своей машине и Элина, вероятно ожидая, когда подъедет наконец Турецкий. Александр же, зная, что при большой нужде движение по этой малой проезжей дорожке может быть и двусторонним, проехал вперед, до 3-й Фрунзенской, где и обнаружил милицейскую «пэдээску».

Выйти и представиться сидящему патрулю было делом минуты. И сейчас же патрульная машина развернулась и поехала навстречу движению по малой дорожке. Турецкий, заперев свою «семерку», пошел следом. Он видел, как двое патрульных подошли к «Ладе», стали проверять документы водителя. Тот из машины не вышел, разговаривал, опустив боковое стекло. Наконец патрульный козырнул, отдал документы и что-то показал рукой: вероятно, не советовал долго здесь задерживаться, стоянки в принципе нет. Водитель «Лады» не стал обострять и послушался, тронул машину.

«Пэдээску» Турецкий догнал в конце квартала. Сержант, сидевший рядом с водителем, сказал, что все сделали, как он просил: проверили, предложили не нарушать. Водитель «Лады» Николай Свешников работает в частном охранном предприятии «Вихрь». В машине находились еще двое молодых парней – стриженных и в кожаных куртках, типичные качки. Турецкий поблагодарил за помощь и отправился к джипу.

Элина курила, держа в пальцах сигарету в длинном мундштуке. Увидев Турецкого, перегнулась, открыла дверцу и капризно протянула:

– Ну почему так долго-о?

– Слушай-ка, – бесцеремонно и на «ты» начал он, садясь рядом. – Тебе охранная контора под названием «Вихрь» ни о чем не говорит?

– Не-а, – равнодушно ответила она. – А что это?

– Вот и я интересуюсь. Ехали за тобой все время. Пришлось проверить... А сестра не знает? Или ее муж?

– Спроси, если охота, – она легко приняла его тон и фамильярность. – Лучше скажи, чего вы там шептались с генералом, когда я ушла? Меня обсуждали, да? Ну признавайся! – Она повернулась к Турецкому всем телом, демонстрируя свою полную перед ним открытость. Можно сказать, в буквальном смысле. Потому что короткое платье в обтяжку, под которым вряд ли что было надето из нижнего белья, создавало лишь видимость одежды.

Однако Турецкий не спешил с естественной ответной реакцией. Во-первых, даже просторный салон джипа все-таки не располагал к скороспелым поступкам, а во-

вторых, вся эта вызывающая откровенность показалась ему несколько нарочитой и провокационной. Если уж ей так не терпится, есть же дом в конце концов, а в нем соответствующее лежбище. Или она уже привыкла на скоростях?

Но вопрос ей был задан. И, кстати, не самый глупый. А может, ее прозорливость распространяется лишь на то, что связано исключительно с ней самой? Такое тоже бывает, и ум тут ни при чем.

– Вячеслав предложил мне, не откладывая дела в долгий ящик, прочитать тебе популярную лекцию на тему: какие действия обычно предпринимаются правоохрнительными органами в случае безвестного исчезновения российского гражданина. Ну и родственниками пострадавшего – тоже.

– Во как! – восхитилась она. – А чего тогда тянешь? Приступай! У тебя обычно как, сперва рассказ, а потом показываешь? Или наоборот?

Непонятно было: валяет она дурочку или всерьез нарывается? Во всяком случае, глаза ее мерцали в полутьме салона, освещенного огнями магазинной витрины, будто у кошки.

– Вообще говоря, одно другому не мешает, можно и так, и этак, и даже все вместе, но в данном случае я хотел серьезно...

– А я спросила у этой мымры... – перебила Элина, и Турецкий не сразу понял, что говорила она о секретарше Грязнова. – Про тебя спросила. Кто, что? Е-мое, как она напыжилась! Заважничала! Он, говорит, такой! «Важняк», говорит! У них там чего, все, что ль, бабы тебя хотят?

– С чего ты взяла? – изумился Турецкий. – Нормальная тетка. Не бери в голову. Давай сперва о деле...

– Значит, разговоры... – тяжело вздохнула она и включила зажигание.

Они въехали под арку во двор. Элина ловко развернулась и приткнула машину передним бампером прямо к стене дома.

Во дворе было темно, и если бы кто-то хотел понаблюдать за ними, он должен был бы обладать как минимум необходимой спецтехникой. Впрочем, в наш век все возможно. Но посторонних поблизости Турецкий, как ни оглядывался, так и не увидел. Полутемным был и подъезд. И лампочка на площадке четвертого этажа еле светила.

Квартира за внушительной бронированной дверью, без всякого сомнения, свидетельствовала о высоком уровне жизни своих обитателей. Нормально высоким, без бьющего в глаза наглажа. Тут оказались соединенными две большие двухкомнатные квартиры одного стояка. Особенно впечатляла примерно двадцатипятиметровая кухня-столовая – со стойкой бара и прочими абсолютно чуждыми русскому человеку прибаамбасами растленного Запада, вроде черного подвесного потолка.

Турецкий прошвырнулся по квартире, покачал осуждающе головой и, кажется, выбрал место, где атмосфера для продолжительной беседы на юридическую тему была бы наиболее подходящей. Посреди комнаты, оклеенной шелковыми цветочными обоями, стояло внушительное атласное ложе без всяких спинок, но с грудой самых разных подушек. Здесь можно было сидеть, лежать, валяться вдоль и поперек, наконец, по образному выражению писателя Бабеля, скакать зайцами, словом, делать все, что душе угодно.

Турецкий присел на край этого сексодрома и позвал Элину. Мадам явилась из ванной, готовая ко всему и окутанная волшебной дымкой какой-то почти несуществующей ткани. Ага, все она рассчитала правильно, за исключением одного: Александр Борисович не собирался торопить события. Сперва – дело!

– Сядь и внимательно слушай, – без всякой жалости приказал он женщине, талантливо изображавшей в это время шаловливую речную нимфу, купающуюся в резвых речных струях. – А еще лучше – возьми ручку и лист бумаги, будешь записывать, что я скажу.

Мучительный вздох был ему ответом. Однако она послушно выполнила указание большого начальника Турецкого, но улеглась с блокнотом и авторучкой так, чтобы определенно сорвать лекцию.

– Значит, отмечай. Что должна знать милиция, чтобы принять меры к розыску человека? Первое. Все, что касается пропавшего, то есть основные факты его

биографии, подробные приметы внешности и одежды – родинки там, шрамы, форма прически, цвет волос, глаз, рост, походка, привычки и так далее, а также во что мог быть одет. Кроме того, основные сведения о состоянии здоровья и особенностях характера – что, к примеру, любит, чего – нет. Понятно?

– И это все писать?! – изумилась Элина. – Да пропади он пропадом, чтоб я...

– Подожди, это только начало. Необходимо приложить хорошую фотографию, желательно самого последнего времени. Можно цветную. Затем тебе придется изложить, при каких обстоятельствах произошло исчезновение твоего супруга. То есть подробно рассказать обо всех важных событиях последних дней. Может быть, даже недель. Где были, что делали, обо всех угрожающих звонках, разговорах, встречах и прочем. Ибо знание обстоятельств, при которых исчез человек, имеет для розыска первостепенное значение. Оно определяет характер и направление мероприятий по обнаружению пропавшего лица. И чем обширнее знание этих обстоятельств, тем больше шансов у милиции быстрее его обнаружить. Это, надеюсь, тоже тебе понятно?

В широко раскрытых глазах Элины застыло восхищение. Но Турецкий мог бы поклясться, что не его лекция, расширяющая круг ее знаний о данном предмете, была тому причиной. У этой кошки, видимо, в ответ на его тактику зрела своя собственная. Однако и Турецкий был начеку.

– Я вижу, ты не записываешь? Надеешься на память? – строго спросил он. – Зря! Ситуация не простая, тебя будут расспрашивать, а ты поплывешь и все запутаешь. И, наконец, последний вопрос: где может находиться пропавший человек?

– Это ты у меня спрашиваешь?! – Элина даже отпала в изумлении.

– Как ни покажется странным, но именно ты можешь ответить на этот вопрос. Только ты можешь знать, не собирался ли пропавший куда-нибудь уехать, когда и с какой целью. Какие намерения вообще высказывал на этот счет? Где проживают родственники и близкие, его знакомые, к которым он мог бы выехать? Нужны также их адреса и установочные данные. Ну и кроме того, при подаче своего заявления ты должна также сообщить, что уже тобой или кем-то другим, скажем, его сотрудниками на фирме, было предпринято для установления местонахождения пропавшего. Наводили ли справки в больницах,

моргах, искали ли у родных и знакомых и в тех местах, где, по вашим предположениям, он мог бы оказаться. К примеру, на даче – у себя или у друзей. Вот эта картинка, о которой я тебе рассказывал, должна быть абсолютно ясной. И только после этого органы милиции, согласно Инструкции Министерства внутренних дел Российской Федерации об организации и тактике розыскной работы, определяют порядок реагирования на твое заявление. Не волнуйся, у нас имеется целый перечень неотложных действий в подобных случаях. И это, надеюсь, тоже понятно?

– Послушай, – сказала Элина, как-то странно покусывая губы, – а может быть, сделать гораздо проще? Мне самой поднатужиться и найти этого болвана, после чего поблагодарить милицию за труды, а?

– Ну это был бы самый идеальный вариант! – максимально серьезно ответил Турецкий. «Нет, она совсем не дура, и реакция у нее вполне адекватная. Но она ни за что не расскажет того, что ей известно о своем муже. Почему – другой вопрос. Да и вообще, он, кажется, гораздо больше волнует ее сестру...»

– Если ты закончил свою лекцию, от которой я, как ты видишь, в полном восторге, может, перейдем к конкретному делу? Ты не хочешь чего-нибудь выпить? И сменить пластинку?

– Выражение из моей юности! – хмыкнул Турецкий. – Тебе-то оно откуда известно? У вас же теперь кассеты, диски и прочая хренотень.

– Да это мой козел всегда... Как чего не по его, сразу: «Сме-ни пла-стин-ку!» – Элина сморщила нос и произнесла фразу по слогам и смешно гундоса. Скопировала, видать, муженька. Если вышло похоже, то он явно не подарок.

Турецкий засмеялся, чем еще больше подзадорил уже заметно изнывающую хозяйку сексодрома, которая, судя по всему, никак не могла понять, какого черта он тянет. Она уж и так, и этак, и позы принимала – одну другой похлеще. Турецкому уже туман глаза застил, но он держался. Это было бы в конце концов даже примитивно: взять да и – по выражению легендарного поручика Ржевского – впендюрить осатаневшей от желания дамочке. Какая-то неясная осторожность словно удерживала его. И он не торопился. А она старательно демонстрировала ему свое совершенно непотребное одеяние – блестящий и одновременно прозрачный шелковый кокон, плавно обтекавший великолепное ухоженное тело.

– Нравится? – Она почему-то все время делала большие глаза, считая, вероятно, что это наиболее сильное изображение страсти.

– Симпатично, – согласился он. – А эта штука вообще для чего?

– Как?! – Она опешила. – Для любви! Я его недавно в Мюнхене купила, в крутом супере! Эксклюзив, понял? Три штуки баксов! Ха! А он – для чего!..

– Так ты, значит, в Мюнхене была? А чего делала? Рождество, что ль, встречала?

– Нет, это само собой. У Фимки дела были, ну а я – за компанию. По бутикам прошвырнуться. А у него, между прочим, и в Мюнхене тоже были какие-то неприятности. Верней, не в самом Мюнхене, а в Мурнау, где мы отдыхали несколько дней.

– Ты-то при этом присутствовала? Или это только догадки?

– Ну какие догадки! Лбов этих я, правда, не видела, зато видела Фимку... – она непристойно хихикнула. – Который наверняка в штаны наложил! Полдня в ванной просидел, смотреть было страшно!

– Ну вот, – вздохнул Турецкий, будто только этого признания и ожидал, – а говоришь, не было причин. Давай-ка успокойся, подруга, пойдем на кухню, там ты мне нальешь чего-нибудь и расскажешь все по порядку. Чтоб и я понял. А то это лежбище... – Он окинул взглядом атласную поверхность почти необозримого пространства: – ...не располагает к серьезным мыслям.

– А ты не беспокойся, ты здесь не первый, – с наивной простотой «успокоила» его Элина. – Но если очень хочешь, пойдем, только давай недолго...

Это милое местечко в предгорьях Альп было известно Турецкому. Примерно в двадцати километрах от Гармиш-Партенкирхена, в чью историю наверняка будут вписаны славные страницы пребывания в нем господина Турецкого со товарищи. В Гармише располагался так называемый Международный антитеррористический центр, руководителем которого являлся американец Питер Реддвей, а Турецкий, в силу обстоятельств, ходил в его заместителях.

Гармиш, с его олимпийскими традициями, был еще и курортным городком. Мурнау – приятный городок на берегу озера Штаффельзее – также считал себя курортом. Тихое место, великолепная услуга, симпатичные кирхи, много вина – чего еще требуется отдыхающему от дел праведных! И вообще все эти города и деревеньки в окрестностях Гармиша очень напоминали известную телевизионную рекламу моющих средств. Ту, где жители... нет, не смог бы и под дулом пистолета запомнить Турецкий названия этих деревень! Ну, словом, пока жители одной из них уже вымыли гигантскую сковороду и продолжают свои народные пляски, жители другой все еще смывают со своей сковороды жир, а все оттого, что не тем средством моют. Короче, покупайте тетю Асю!

Но Гармиш, можно сказать, всегда праздник. Мурнау же, как показалось Турецкому, больше приспособлен для созерцательного отдыха. Интересно, кой черт занес туда господина Силина? А тем более его явно неутомимую супругу? Чего они там потеряли? И если бизнес привел, то какой? Впрочем, у него же алкогольный бизнес, отсюда, может, и интерес?..

Из всех предложенных Элиной напитков Александр Борисович выбрал виски. Со льдом, естественно, но без содовой. Закуска не требуется. И приготовился слушать.

Это произошло где-то за неделю до Рождества. Не нашего, православного, а католического, которое в преддверии Милениума собиралась широчайшим образом отмечать вся Европа.

А вышеназванному, в свою очередь, предшествовал ряд обстоятельств, которые потребовали от господина Силина, генерального директора фирмы «Алко-сервис», немедленного принятия кардинальных решений.

Примерно в середине декабря – дату поточнее теперь назвать трудно – ему позвонил президент коммерческого банка «Деловой партнер» Олег Никифорович Авдеев. Его фамилия почему-то в последнее время часто звучала в доме Силина. Однажды на вопрос жены, с кем это Фима вел столь длительный и нервный разговор по телефону, когда на столе безнадежно остывали поджаренные гренки с беконом, обычный завтрак подтянутого и старательно сохраняющего спортивную форму бизнесмена – тут-то как раз понятно почему: стоило лишь взглянуть на молодую жену, – так вот он ответил, уважительно понизив голос: «Оч-чень перспективный банкир! Рвется в партнеры. Но с ним надо быть оч-чень осторожным...» Собственно, с этого звонка и началось непонятное.

Ефим Анатольевич почему-то разнервничался и, без того невеликий потатчик постоянных жениных капризов – во всех смыслах! – стал неразговорчивым, хмурым и даже... понурым.

«Точное наблюдение!» – отметил про себя Турецкий.

Потом случилась еще парочка резких телефонных стычек, вероятно с тем же банкиром, потому что однажды, опять-таки на совершенно глупый вопрос Элины: «А на фига он вообще-то тебе нужен?» – грубо рявкнул: «Заткнись! И не суйся не в свои дела! Если бы твой родной дядя был генералом КГБ, я бы мог послать этого на хер!»

Никакие родственники Элины в КГБ не служили, а отец до выхода на пенсию был обычным инженером, каких миллионы. С тем и покинул белый свет. Зато Танька – старшая сестра – носила милицейские погоны. Неважно, какая у нее должность, важно, что в милиции работает. Но и этот аргумент не возымел никакого действия на Ефима Анатольевича. Он отмахнулся брезгливо, словно от надоевшей мухи, и пробурчал с презрением: «Тоже мне органы!.. Гинекологи, мать вашу! Не суйся, куда не зовут!..» Это было сказано очень обидно и оскорбительно. Элина надула губы и решила, что больше вообще не станет вести бесед с мужем. Ни о чем. И никогда.

Но с Танькой он, видимо, все-таки имел разговор, потому что иначе с чего бы ее вдруг так взволновало его недавнее исчезновение. Элина пробовала разобраться, что там у них двоих было, но уткнулась в глухую стену. Ну, Танька всегда была стервозой, оттого и в милицию пошла, там все такие.

«Тоже любопытно», – усмехнулся Турецкий.

– А почему ты уверена, что у них что-то было? Татьяна же и старше тебя, да и... как-то сравнивать странно. И муж у нее есть...

– Все – не то! Фимка – слабак. Гоп-стоп, и привет! Храпит себе до утра. И Танька – баба домашняя, ей много и не надо... – Элина вдруг словно вызверилась: – А какого тогда черта она меня за горло берет?! Беги! Ищи!! Бей во все колокола!!! Да пошла она! Тебе надо, вот сама и бегай...

И тут на неприязненные отношения сестер наложились события, которые все их ссоры вмиг отодвинули на задний план.

На склады фирмы «Алко-сервис», которые находятся неподалеку от таможенного терминала в Южном Бутове, наехала щербинская братва. Так они, во всяком случае, представились, эти бритые молодцы во главе с бригадиром, щуплым с виду мужичком, все пальцы рук которого были покрыты синими наколками.

Силин не был новичком в бизнесе и прекрасно знал, что в наше время платить надо за все и всем. Но – в разумных пределах. Вот об этих условиях обычно и велись переговоры, которые чаще всего заканчивались очередным временным соглашением. Что-то вроде вялотекущего постоянного перемирия. У Силина имелась договоренность с одним из подольских охранных предприятий, и он полагал, что это обстоятельство дает ему гарантии от притязаний братвы. И – на тебе.

В общем, полной и предельно ясной картины происходящего Элина нарисовать не смогла бы, а ее знания складывались разве что из обрывков подслушанных телефонных разговоров мужа, да еще из той краткой информации, которой ее снабжал Фимкин телохранитель за те недолгие минуты, что им иногда выпадали. Надо же в конце концов знать хоть что-то о делах мужа и, естественно, собственных финансовых перспективах?

Этот Игорек и оказался свидетелем одного из самых неприятных базаров между шефом и банкиром Авдеевым.

А дело в том, что фирма Силина является одной из крупнейших в московском регионе баз по реализации конфискованной правоохранительными органами алкогольной продукции. Счет идет на миллионы декалитров. Так вот этот самый Авдеев требовал от Силина, чтобы тот продавал конфискаты исключительно ему. Точнее, одной из фирм, принадлежащей «Деловому партнеру». Причем – самое главное – по демпинговым ценам. За это банк обещал кредиты под щадящие проценты. Но при пересчете оказывалось, что «Алко-сервис» на этих взаимных операциях теряла весьма немалые суммы. А ради чего? Ради того, что однажды, в нужный момент, господин Авдеев подключит связи своего родственника? Бывшего начальника Четвертого управления КГБ?

«Контрразведка на транспорте» – знал, о ком идет речь, Турецкий.

Силин посчитал условия возможного договора неравными и сказал об этом. Вот тогда и объявилась щербинская братва, которая вежливо предупредила генерального директора о своем приходе, посоветовала не рыпаться без нужды, а проще – заперла его в кабинете, после чего отправилась в помещения склада. Там тоже, как выяснилось позже, беседа с сотрудниками фирмы была краткой и очень содержательной, после чего нескольких непонятливых из них, в том числе и охранников, увезли машины «скорой помощи». Ну а так называемый бой алкогольной продукции на следующее утро можно было даже и не подсчитывать – достаточно взглянуть в накладные поступившего накануне товара. Там же, в сущности, были проставлены и суммы убытков. Загодя, словно нарочно. И суммы впечатляли – несколько десятков миллионов наших родненьких, «деревянных».

Доказательств прямой связи Авдеева со щербинскими уголовниками у Силина, естественно, не было. Хотя все казалось предельно ясным. Понаехавшая милиция составляла акты, писала протоколы, дергала свидетелей, которые, как скоро выяснилось, ничего толком и не видели, а налетчиков запомнить не могли, поскольку те были в традиционных шлемах-шапочках с прорезями для глаз и рта и в стандартном камуфляже, в котором нынче ходит уже пол-России. Поди разберись...

Милиция не сделала и половины положенной работы, опечатала помещения и удалилась на отдых до следующего дня. А ночью на базе случился пожар. Он был бы куда ужаснее, если бы там еще хранилась уничтоженная бандитами накануне спиртоводочная продукция. Вообще катастрофа! Но тем не менее помещения выгорели дотла. Пожарные мрачно шутили: «Было б еще хуже!»

Как в том анекдоте про трех преферансистов, что хоронили своего четвертого партнера, помершего от разрыва сердца, когда ему впилили восемь взяток на мизере втемную и на бомбе. «А если он в трефу пошел?» – «Мы б ему и девятую...» Да уж... хуже некуда...

После пожара Силин бродил несколько дней как потерянный. А потом вдруг твердо заявил, что они уезжают за границу. В Мюнхен. Когда? Немедленно! Прямо завтра с утра! Первым же самолетом! Слава богу – цивилизованные люди, имеют заграничные паспорта, а проставить соответствующие туристские визы – дело некоторых круглых сумм, в наши дни здорово концентрирующих дорогое время...

Только в Мюнхене Ефиму Анатольевичу удалось некоторым образом прийти наконец в себя. Появилась краска на лице, стал спокойным сон, проснулся аппетит. А вместе с ним – интерес к окружающему.

Маленькая и необычайно уютная гостиница на окраине города, окруженная густым парком, засыпанным поистине рождественским снегом, создавала ощущение поразительного покоя. Вот и Фима наконец стал похож на человека. Таскал жену по супер-супер-супермагазинам, делал щедрые рождественские покупки, пару раз устроил шикарные выходы в казино, где они, захваченные азартом, «спустили» значительные суммы, не жалея проигрышей: эх, одна живем, господа!

А вот на пятый или шестой день, как раз накануне Рождества, Фима вернулся из города в таком виде, будто и не уезжал из России, – желто-зеленого цвета, угрюмо-испуганный, словно только что ушел от смертельной погони. Как потом выяснилось, по сути, так оно и было.

Он подавленно молчал, и Элина с гигантским трудом выудила из него лишь одно: он случайно столкнулся с одним из своих московских знакомых, встреча с которым не могла сулить ничего хорошего. Больше он ничего не сказал, но неожиданно, посреди ночи, заявил сонной супруге, уставшей за день от его идиотских и совершенно непонятных терзаний, что они немедленно съезжают из гостиницы. Куда, ведь за окном темная ночь! Завтра праздник! Черт с ним, с праздником! Здоровье дороже!

Посреди ночи были собраны вещи, вызвано такси, взятую напрокат машину Силин безжалостно бросил в гостинице, и они спешно отбыли оглядываясь, будто сбегая от погони.

Уехали недалеко, всего чуть больше полсотни километров на юг, в сторону гор. Вот так и оказались в местечке Мурнау, где Силин когда-то побывал проездом и так же среди ночи, поселились в «Камышовом доме» – прелестной и тоже уютной гостинице на берегу озера. И снова Силин начал медленно отходить. Но ввиду того, что Мурнау по обилию впечатлений никак не может соперничать с Мюнхеном, и этот «отход» был своеобразным. Не представляющим для общительной Элины ни малейшего интереса. Он с утра до вечера ежедневно накачивал себя вкусным – да, надо отдать немцам должное! – белым вином и к концу дня был уже о-о-очень хо-орош... Лучше б вообще не просыпался!

Чтобы не стать посмешищем, Элина прервала всякое общение с мужем, даже завтракали и обедали они порознь и в разное время. Она сама ездила в Гармиш, который был неподалеку, каталась там на давно забытых лыжах, принимала заслуженное поклонение от туристов из многих стран мира, посещавших известный альпийский курорт, и вообще отдавала всю себя замечательному горному солнцу...

«Вот откуда у нее такой великолепный загар! – догадался наконец Турецкий. Посреди слякотной зимы – это почти недоступное роскошество. – Живут же люди, мать их!...»

Но однажды посреди дня, в привычное время, она не застала мужа дома. Он вернулся только к следующему утру, когда она уже точно не знала, что делать, и собиралась посоветоваться с горничной, которая немного понимала по-русски, не пора ли обратиться в полицию. Силин вернулся в таком виде, будто вырвался из лап разбойников. Ко всему прочему, он был, по обычаю, нетрезв.

Говорить было не о чем. Но Элину с некоторых пор стала беспокоить собственная судьба. Ей вовсе не светило оказаться в одиночестве, брошенной в чужих краях, без средств к существованию и прочих перспектив. А к этому, как она понимала, все и шло. И вот тогда она закатила мужу скандал. Классический, русский, с визгом и битьем посуды, с перечислением недостойной родословной супруга, а также уже совершенных им и пока еще нет смертных грехов. Как ни странно, этот демарш возымел действие. Ошарашенный, униженный и раздавленный морально и физически супруг сдался, пришел в себя и посвятил Элину в свои проблемы. Точнее, в часть проблем. Но ей и этой части хватит до самого конца жизни...

Оказывается, его похитили. Самым натуральным образом. Как в дешевом американском фильме. Трое российских качков окружили, заломили руки, сунули мордой вперед в багажник и куда-то увезли. А перед отъездом сделали какой-то укол в оттопыренную задницу, после чего он попросту отключился.

Пришел в себя в темном помещении. Сидел, привязанный к неподвижному креслу. В глаза бил яркий свет лампы. Вокруг – темнота. Какие-то силуэты бродят. Опять чего-то вкололи, после этого сознание стало проясняться. Свет сделали помягче, чтоб мог увидеть собеседника. И он легко узнал его. Тот самый бригадир из Щербинки с исколотыми, синими от татуировок пальцами. Разговор

тихий и вежливый, как-то несообразующийся с внешностью уголовника.

Он сказал, что Фима, в сущности, зря бежит. Тем более поскольку уже понял – не мог не понять, – что встреча в Мюнхене далеко не случайна. Оттягивать финал можно сколько угодно, но... в установленных судьбой рамках. А перед ним – это он должен раз и навсегда усвоить, просечь – сидит именно его судьба. Которой либо подчиняются, и тогда жизнь катится дальше более-менее сносно, либо не подчиняются, стремясь неизвестно зачем выглядеть героем, тогда и финал – тоже героический: грудью на амбразуру, горящим факелом на вражеский танк, но чаще всего – под случайную машину. Чтоб долго не мучился. В финале. Потому что до финала мучений будет еще более чем достаточно.

Он читал книжки, этот уголовник, и выражался достаточно грамотно. Но, самое главное, абсолютно понятно.

Итак, Силину предстоял выбор. Или – или, все по-честному.

Героя изображать из себя он очень не хотел, однозначно. Так что второе «или» отменили с ходу. В чем же заключалось первое?

От Силина требовалось немного: он должен был выдать доверенность лицу, которое будет указано, на продажу принадлежащих ему лично сорока восьми процентов акций ЗАО «Алко-сервис». База его, являясь закрытым акционерным обществом, сотрудничала с таможней, с ГУВД Москвы, с рядом других правоохранительных организаций, но, по существу, принадлежала ему, владельцу контрольного пакета акций. Недостающими до пятидесяти одного процента владели его же коммерческий директор, бухгалтер и ряд служащих. Видимо, о них уже вопрос не стоял.

Что взамен? А разве полная свобода – это мало?

Показалось, что бандит откровенно насмехается. Да, им, конечно, нужна подлинная доверенность, как страховка на тот случай, если бы продавец, то бишь Е. А. Силин, вдруг «одумался» и потребовал разорвать сделку. Тут фальшивка сразу привлечет ненужное внимание. А вот с подлинной доверенностью вряд ли кто захочет возиться. Да к тому же и сам процесс смены одного хозяина другим не должен занять много времени.

Силин почувствовал безвыходность своего положения, но уж вовсе «раздеваться» по прихоти какого-то уголовника и, разумеется, перед теми, кто стоит за ними, воспротивился. Он выдвинул и свои, встречные, условия.

Во-первых, заговорил о реальной стоимости каждой акции, об общей сумме, которая, с учетом рыночной конъюнктуры, должна быть четко обозначена в доверенности на продажу.

Во-вторых, в доверенности должен быть указан банковский расчетный счет Силина, а также определены сроки, в течение которых на этот счет поступят деньги за проданные акции. Копию своей доверенности, заверенную государственным нотариусом, Силин положит в свой карман. Зачем? А во избежание ненужных сложностей в дальнейшем, особенно во взаимоотношениях с остальными держателями акций. А кто они и какие государственные посты занимают, этому уголовнику должно быть известно. В крайнем случае, его хозяину. Так что и тут все не так просто, как может показаться. Вдруг так случится, что по чьей-то инициативе доверенное лицо вместе с новым держателем контрольного пакета акций «Алко-сервиса» пригласят в одну из верхних инстанций для выяснения причин смены руководства? Вот и будет нужен официально заверенный аргумент в пользу такого решения.

Уголовнику, видно, и в голову не приходили подобные сложности. Ему-то что? Взял за грызло, дернул пару раз – и дух вон. Но, похоже, прав фраер-то... И он уходил из помещения. Наверняка созваниваться с хозяином, советоваться, на что соглашаться, а против чего возражать, применяя, если нужно, даже пытки. Утюг ему на голую сраку – все сразу подпишет и умолять будет, чтоб отпустили на волю!

Нет, не все оказалось так просто... Хозяин, подумав, посоветовавшись, разрешил принять условия Силина. Ну а официальный представитель российской юриспруденции, то бишь нотариус, был припасен заранее – проводил отпуск в германских землях. Так что все вышло по закону.

Но уголовник не был бы самим собой, если бы после всего совершенного оставил в покое свою жертву. Следы бандитских измышательств отчетливо отпечатались на физиономии и теле бывшего теперь уже владельца миллиардного предприятия. Это, так сказать, в назидание, чтоб помнил, чем дело может кончиться, если у него возникнет когда-нибудь охота кому-то пожаловаться...

«Уж кто-кто, а я-то знаю, что далеко не все бандитские угрозы остаются пустыми обещаниями...» – сказал Турецкий самому себе и задумчиво уставился на Элину.

– Ну и как же он выглядел, когда вернулся домой под утро? Кто-нибудь видел, кто его привез, на чем, или он сам пришел?

– Не знаю, где он с такой битой рожей успел нажраться так рано, но смотреть на него было противно... Как свинья... А когда полез в ванну – ужас! Все тело – синее, будто его танк переехал.

– И что было дальше?

– Господи! – брезгливо воскликнула Элина. – Да тебе-то какое до него дело?.. Вылез потом, проспал до ужина, продрал глаза и заявил, что он нищий. Представляешь?

– И ты поверила?

– Ну да, как же! Вот тогда он все и рассказал... Про бандитов, про свою доверенность... про то, что, когда с его фирмой будет покончено, его просто убьют. Поэтому, сказал, пока еще сохранилась возможность вернуться домой живым, надо посылать к черту все курорты.

– А на что он рассчитывал, возвращаясь домой, разговору у вас не было?

– Да какой там!.. Утром уехали в Мюнхен и вернулись в Москву первым же самолетом. Отпраздновали...

– Ну вот видишь, оказывается, все-то ты знаешь, – покачал головой Турецкий. – Значит, речь шла об угрозе жизни. Человека заставили продать, а может, и просто отдать свое дело. Ты, кстати, той копии доверенности у него не видела? Не знаешь, где она и есть ли вообще? Где он хранит свои тайны? Здесь? На работе? В каком-либо ином месте? И вообще, как выглядела эта квартира, когда ты вернулась домой? Бардак? Следы обыска? Ну что-то непривычное для себя заметила?

– Очень много вопросов, – поморщилась она. – Никакого бардака не было, я поэтому и думала, что он просто куда-то вышел. Бумажек у него тоже никаких не видела. А где он что хранит? Понятия не имею. Меня это никогда не интересовало.

– А деньги как же?

– Я говорила, сколько мне надо, он сам давал. Дома, во всяком случае, он денег не держал. Имел карточки... «Виза» там, еще что-то.

Турецкий обратил внимание на то, что она заговорила о муже в прошедшем времени. Вероятно, отсюда у нее и такая откровенная свобода поведения: нет опасения, что кто-то может неожиданно явиться.

– Давай мы так сделаем, дорогая. Я тебе сейчас сам напишу соответствующее заявление в милицию, а ты его аккуратно перепишешь завтра с утра, как я говорил, мы с тобой заскочим, тут, по-соседству, на Усачевку, в первое РУВД, и ты подашь заявление его начальнику. Зовут его Николаем Ивановичем Зотовым, он толковый мужик. И я с ним поговорю тоже. Остался неясным еще один вопрос. Если вы с Татьяной все-таки навоображали себе бог весть чего и Силин твой жив и здоров – относительно, конечно, куда бы он мог спрятаться? После возвращения домой его кто-нибудь доставал?

– Он куда-то ездил, нервничал, нет, не знаю...

– Друзья, дачи – есть у него что-нибудь такое?

– Я как-то с его друзьями не очень... А дача? Есть, как же! Который год все собирался до ума довести. Но жить там можно только летом. Да и какая дача! Садовый участок. Терпеть его не могу!

– Почему?

– Дача нужна, чтоб отдыхать! А сорняки полоть – это не моя стихия!

– И где же этот ваш участок?

- По Калужскому шоссе. Деревня Каменка. Вот в том районе.
- Когда вы там были в последний раз?
- Он - не знаю. Да он тоже смотрел на это дело сквозь пальцы. А я - прошлым летом. Шашлык жарили.
- Там есть какая-нибудь связь?
- Откуда! Только «мобильник». Но его аппарат не отвечает.
- А зимой проехать туда можно?
- Что, сейчас? Ты с ума сошел! Откуда я знаю?
- Ладно, тогда вали пока отдыхать. Я напишу, что надо, но с утра мы с тобой все-таки смотаемся туда. На твоём вездеходе. И если там окажется все в порядке, сразу понесешь заявление. Вопросы есть? Вопросов нет!
- А ты?
- А я закончу писанину и сбегаю домой. Поставлю машину. Это рядом, на набережной. И утром позвоню, договорились?
- Ох! - тяжело и обреченно вздохнула Элина. - Ну и наградил же Господь кавалером... Пойду накинута что-нибудь, холодно!
- Вот это ты правильно сделаешь. Разве это одежда? Иди, иди, не бойся, твоё от тебя никогда не уйдёт...

Глава третья

Перед крушением

Татьяна была искренне удивлена, когда, вернувшись домой, застала на кухне ужинающего в одиночестве мужа. Она не лукавила, говоря Вячеславу Ивановичу, что ее супруг в отъезде, в командировке где-то на Урале. Это все было так. Больше того, она и возвращения-то его ожидала никак не раньше следующей недели, и это обстоятельство ее очень устраивало, поскольку ей меньше всего хотелось, чтобы Иван Игнатьевич принимал какое-то участие в розыске пропавшего Силина.

Муж ничего ей не говорил, но она интуитивно чувствовала, что его что-то связывает с Силиным, и даже догадывалась, о чем могла бы идти речь. Естественно, как и во всяком бизнесе, деньги. Наверное, даже очень большие. Но, в отличие от младшей сестры, не знающей им цены и живущей по принципу: раз с собой не унесешь, значит, надо успеть потратить, – Татьяна предпочитала жизнь скромную и закрытую для других. Зачем, скажите, сотруднице уголовного розыска выставлять напоказ свои перстни и шубы? Чтобы у кого-то вызвать зависть? А вместе с нею и вопросы: почему да откуда? Муж хорошо зарабатывает. А кто он, чем занимается, где ворует? Естественно, разве у нас можно что-то заработать честным трудом? Поди докажи...

У нее есть машина – не новая уже «хонда», которая ее вполне устраивает. У мужа есть «ауди». И квартира неплохая – на двоих много не надо. Это Силины, неизвестно на что рассчитывая, отгрохали себе апартаменты, и что дальше? Вот он исчез, а на чьи плечи теперь лягут заботы? На Элку? Так она ж ничего не умеет в жизни, кроме как перед мужиками задницей вертеть. Тоже, конечно, профессия, но пристойного в ней мало. Особенно когда становится известно, где работает ее старшая сестра.

Подозревала, что новость с Силиным может крепко испортить настроение и без того мрачному мужу – вон ведь, даже и дожидаться ее не стал, сам ужинать уселся, как бы укоряя хозяйку за это свое одиночество. Но объяснить все в конце концов просто: пошла на прием к начальнику по личному вопросу. Какому? А вот тут как раз и есть самое неприятное. Однако делать нечего, от разговора не уйти...

– Я рада, что ты приехал раньше, – мягко сказала Татьяна. – Но отчего такой мрачный? Устал? Или на меня сердись? Так я была вынуждена на службе задержаться. Генерал вызвал.

Но Иван лишь отмахнулся, продолжая вяло жевать сосиску. Нет, значит, не это волновало его. Тогда что? Увидев в глазах жены немой вопрос, Иван как-то зло сплюнул, резко отодвинул от себя тарелку и закурил.

– Что там у них случилось? – спросил хриплым голосом. Простыл, что ли?

Татьяна спросила, хотя знала, о чем речь:

– С кем случилось?

– Да с Фимкой вашим! Не понимаешь?

– Плохо с ним, Ваня. А тебе-то откуда известно?

– Откуда... От верблюда! Звонил! А меня, извини, на хер послали! Открытым текстом. И сказали, что такой больше там не работает!

– Когда ты звонил?

– Какое это имеет значение? Два дня, три тому назад! Решил, не туда попал, перезванивал... У меня ж горит под ногами! А мне: ничего не знаем и вас тоже не знаем, соображаешь?

– Я почему спросила? Мы с Элкой постоянно звоним на базу, может, объявился или поступили какие-нибудь новые сведения. Но с нами разговаривают вежливо. Они действительно там ничего не знают. Хотя это совсем не повод для грубости, как ты рассказываешь...

– Не знаю – повод или не повод, но, если Фимка немедленно не появится, у нас могут быть серьезные осложнения.

– В каком смысле? – насторожилась Татьяна.

– В самом прямом! – как отрубил Иван. И вдруг спросил ехидно: – А чего это я никакой радости в твоих глазах не наблюдаю? Муж все-таки вернулся из командировки! А в доме – шаром покати. И жены нет. И работа ее не отвечает. Дежурный говорит: все давным-давно ушли. Загуляла, что ли?

– Ах, перестань!.. Я же сказала, что была занята. Вон, полную сумку привезла, как чувствовала, что появишься. Если голодный, доставай, что хочешь, а мне дай прийти в себя. Хочу душ принять.

Муж, не глядя на нее, мрачно пробурчал нечто, похожее на «катись» с матерной добавкой. Перестал он себя сдерживать в последнее время. А сейчас, проходя мимо него, Татьяна не в первый уже раз почувствовала запах терпких духов, какие отродясь не употребляла. Знала, откуда может быть такой запах, посетила однажды фирму мужа, где всего и работало-то трое: коммерческий директор Куприянов и бывшая Иванова супруга Лилия Михайловна. Это ее духи. Значит, не сегодня вернулся с Урала Иван или успел уже навестить свою бывшую благоверную. Что ж она его даже не накормила толком?..

Стоя под горячим душем, Татьяна плакала, не скрывая слез, которые тут же смывались тугими струями воды. О чем рыдала? Да о себе в первую очередь... О несчастной своей судьбе. О том, что всем вокруг постоянно везет, а ей – ни в какую. Что у всех – мужики как люди, даже у Элки, хоть и неизвестно, за какие заслуги...

Нет, не любила своего мужа Татьяна. А с некоторых пор и уважать перестала. Да, впрочем, она и замуж-то выходила не от большой любви, а от ревности, от зависти к младшей сестре, у которой, несмотря на блядский характер, почему-то все всегда складывалось легко и удачно. А что сейчас с Ефимом беда – так это не в счет, на том, как известно, в России и бизнес держится: не ты, значит, тебя. Издержки...

Чем Иван тогда приглянулся?.. Старше на десяток лет, но выглядел совсем юношей кудрявым. Опять же юрист, только что разбежавшийся со своей первой женой-ровесницей. Убеждал, что гулять не собирается, мечтает о прочной семье... Много чего говорил. А потом она случайно узнала, что бывшая его жена продолжает работать у него на фирме. Уверял, что поступил так из человеколюбия: не выбрасывать же на улицу! А оно вон чем оборачивается...

Почему-то мысли перекинулись снова к Элке, а от нее к этому дружку генерала, известному следователю. Надо же быть такой стервой! Муж исчез, а она, никого и ничего не стесняясь, тут же чужому глазки строит! И ведь наверняка добилась своего, точно совратила мужика! А и то – мужики, называется, пошли! Им ляжкой дрыгни, враз про все забывают – про семьи, про детей своих... Не было

ребенка у Татьяны и наверняка уже не предвидится, поэтому в женском своем отчаянии и не представляла, как это можно ради случайной юбки забыть о родном ребенке.

Вспомнились внимательные и понимающие глаза генерала... Вот мужчина, за которым бы действительно как за каменной стеной! Нет, конечно, ходили всякие слухи среди муровского бабья, что эти двое приятелей – Вячеслав Иванович и Александр Борисович – были бо-ольшие ходоки по женской части, но ведь на то бабам и языки даны, чтоб и черт не разобрал, где былъ, где небылица... А потом, почему – были? Кончились, что ли, как мужики? Элка вон иного мнения!.. Значит, никто из них не может заслуживать доверия?..

Когда Татьяна Кирилловна, кутаясь в тяжелый махровый халат, покинула ванную, душа ее была полна презрения ко всему мужскому роду – лживому и продажному. Впрочем, и некоторые женщины ничуть не лучше!

Ивана Игнатьевича обуревали совершенно иные мысли, и места в них женщинам не было абсолютно. И вообще, какие могут быть бабы, когда речь идет о миллиардах рублей! О сотнях миллионах баксов!..

Это тот самый уникальный случай, который никак нельзя упускать.

А ведь началось все со случая. С нечаянной встречи с однокашником, как выражались прежде. Вот уж, видно, дошли тайные молитвы до Господа, смилостивился, послал удачу...

Фирма «Контакт», которую открыл Иван Шацкий, зарегистрировав по домашнему адресу своей первой жены, изначально задумывалась им как частная юридическая консультация по любым вопросам, связанным с бурно развивающейся предпринимательской деятельностью. Ну и плюс конкретная помощь часто не совсем опытным бизнесменам и банкирам, коих появилась немыслимая туча. Кому правильно составить учредительские документы, кому найти подход к нужному чиновнику, а кому обналичить казначейские обязательства или банковские векселя.

Большого количества сотрудников для деятельности такого рода не требовалось. Напротив, все необходимые связи и контакты должны сходиться на

одном лице – на нем самом. Бывшая теперь супруга Лилия Михайловна исполняла должность секретаря, архивиста, координатора и сексуальной отдушины. А лысый подвижный толстяк Витька Куприянов был завхозом, водителем и порученцем, гордо именуясь коммерческим директором. Вот и весь штат.

В начале деятельности клиентура «Контакта» была незначительной. Но один случай, как было сказано выше, выпал поистине счастливым билетом.

Находясь однажды по делам своего клиента в Центральном банке, Шацкий нос к носу столкнулся с человеком, который учился с ним на одном курсе в Уральском юридическом институте. Звали его Артур, а вот фамилия была нерусская, Иван старательно вспоминал и наконец вспомнил: Геллер. Из давно обрусевших немцев. Ну встретились, обрадовались, естественно, поскольку не встречались больше двадцати лет, однако Центральный банк – не лучшее место для громкого выражения приятельских чувств. Но что-то подсказало Ивану, что эта случайная встреча может иметь для него значительные последствия. Артур остался в Свердловске, жил там и теперь работал экономическим советником губернатора. Должность, как он сказал с улыбкой, негромкая, зато очень влиятельная. Наверное, именно это обстоятельство и «подсказало».

Иван по-старинке пригласил бывшего сокурсника к себе домой. Он уже семейно «разбежался» с Лилькой и женился на Татьяне, переехав на жилплощадь, оставшуюся от ее родителей. Квартира была хоть и двухкомнатной, зато с огромной двенадцатиметровой кухней, большим холлом, уютно обставленной.

Надо сказать, что помимо этих явных достоинств, имевшихся у Татьяны, она и сама была женщиной приятной, а ко всему прочему еще и работала в Московском уголовном розыске. Кем – это другой вопрос, важно, что вертелась на виду у важного начальства. А это – весьма перспективные контакты.

Правда, со временем выяснилось, что никакой пользы от Танькиной службы и милицейских погон нет и не предвидится, и главным образом по причине ее неуступчивого и щепетильного, будь она неладна, характера. Ну да что уж теперь делать! Не разводиться же из-за этого!

Словом, встретились два старых приятеля, стали вспоминать веселое прошлое, обсуждать непредсказуемое настоящее и уж тем более – неясное будущее. Вот

тут и родилась идея совместить общие знания, возможности и накопленный опыт.

Геллер рассказал о своей миссии в Москве. Суть сводилась к следующему. Президент, будучи проездом в родных краях, встречался с народом, выслушивал слезные просьбы руководства области увеличить бюджетные вливания и все такое прочее. Обычная по нашим временам картина: каждый губернатор при всяком удобном случае жалуется и просит, просит и жалуется. Но одно дело – когда у соседей, а здесь как-никак малая родина, свои люди. В общем, пообещал президент добавить на самые неотложные нужды. Среди таковых числились уже давно требующие капитального ремонта, а то и замены, некоторые железнодорожные и автомобильные мосты в крупнейших городах области. Рассчитывать в этих делах на Министерство, к примеру, путей сообщения не приходилось, а пропускная способность транспортных артерий не соответствовала временным задачам.

Президент не забыл обещания, и при очередном распределении бюджетных средств Уралу был выделен трансферт в виде казначейских обязательств. Собственно, этим и занимался Артур Геллер, полномочный представитель своего губернатора. Сумма была немалая – порядка двадцати пяти миллионов деноминированных рублей.

Но следующая проблема, которую предстоит решать уже завтра, – это проблема обналички ценных бумаг. И поскольку Иван со своим «Контактом» активно занимается подобными операциями, а значит, и владеет ситуацией, его уральцам, как говорится, сам Бог послал. Если, конечно, подобное предложение не вызовет у него протеста...

Естественно, будет специально оговорен процент от сделки, определены рамки накладных расходов. Известно же, что ни один коммерческий банк не станет покупать казначейские обязательства по их номиналу. Все это будет указано в отдельном договоре. А заодно и обсуждены некоторые детали финансовой операции, поскольку у самого Артура имеется в ней личный интерес.

Так, с откровенной улыбкой, закончил свой монолог советник губернатора Артур Геллер. Только дурак отказался бы от такого фарта. И старые товарищи перешли от слов к делу...

По закону, как известно, руководящее лицо – а Геллер им и являлся – не должно заниматься частной предпринимательской деятельностью. Но кто же соблюдает законы от «а» до «я»?! Вот и у Артура была своя фирма, записанная на племянника. И она, как сразу догадался Иван, также оказывала различным организациям, но в основном госпредприятиям, всякого рода посреднические услуги.

Так вот, эта самая «Омега», берущая на себя обязательства перед городом и областью по обналичиванию выделенных государством средств, заключает договор с московской фирмой «Контакт», которая и обеспечит поступление в областной бюджет наличных денег. В два срока. Что, в свою очередь, даст возможность Ивану прокрутить половину средств в коммерческих банках для получения прибыли. Ну а она будет затем поделена в соответствии с договором сторон.

Вариант очень неплохой и по первым, достаточно осторожным, прикидкам Шацкого мог принести партнерам минимум по двести – триста тысяч баксов. Стоило постараться...

Иван Игнатьевич задействовал все свои коммерческие связи, и Урал не подвел. А вторую половину средств область получила в начале осени прошлого года. Артур Геллер постарался представить дело в самом лучшем виде и настолько убедил губернатора, что очередное правительственное вливание в Уральскую продовольственную корпорацию на сумму в пять миллионов рублей, которое производилось по уже отработанной практике не в «живых» деньгах, а на этот раз в векселе Интеркомбанка, было поручено обналичить хорошо себя показавшей московской фирме «Контакт». С помощью посреднической фирмы «Омега». Длительных переговоров и консультаций уже не требовалось.

Но теперь партнеры избрали более сложный вариант игры. Правда, не все ее детали стал Иван обсуждать с Артуром. Часть обналиченных средств Шацкий решил «прокачать» через закрытое акционерное общество «Алко-сервис», в коем головою был, можно сказать, родственник, Ефим Силин. Они вдвоем как-то посчитали, и Иван глазам своим не поверил, что алкогольный бизнес способен приносить почти невероятные доходы. Естественно, при условии вложения в дело достаточно крупных средств.

Иван не стал долго раздумывать, а тем более советоваться с женой и все заработанные деньги вложил в акции силинской фирмы, сразу оказавшись

одним из солидных ее акционеров. Между родственниками вообще были почти приятельские отношения, которые они старались не особо демонстрировать перед женами: те вечно ссорились из-за своих, чисто бабских дел. Но главным образом, по причине того внимания, которого не мог не оказывать Иван восхитительной свояченице. Свояк Ефим относился к этому спокойно, а вот Татьяна кипела. Поэтому и встречались семьями в домашней обстановке редко. Но тем не менее Шацкий верил Силину, мужику достаточно еще энергичному и опытному в своем деле.

Однако, ввиду того что «Алко-сервис» являлось закрытым акционерным обществом, акции распределялись только среди его учредителей и весьма узкого круга лиц, куда вход посторонним был воспрещен. В этой связи свояки решили, что приобретенные акции Шацкого, для снятия ненужных вопросов, будут записаны на Силина как главного учредителя и основного пайщика. А потом, Шацкий прекрасно понимал, что с этой стороны ему ничто не может грозить, ну разве что... Но тут сам Бог судья...

Поэтому неожиданное исчезновение главы «Алко-сервис» Иван мог трактовать лишь как результат случившегося несчастья. Это было чрезвычайно плохо, но... не смертельно.

Однако недаром говорится: пришла беда – отворяй ворота.

В прошлогодней операции Шацкий привлек к сотрудничеству коммерческий банк «Деловой партнер», президент которого, Олег Никифорович Авдеев, считался в финансовых кругах человеком влиятельным и с хорошими связями в силовых и правоохранительных структурах, что для удачливого банкира немаловажно.

Авдеев требовал до четверти обналичиваемой суммы – это было сущим разбоем, грабежом, зато сама операция проходила быстро и безо всяких осложнений, с жесткими гарантиями. Что для Шацкого было неременным условием установления дальнейших деловых отношений с Уральским регионом. И на первых порах полностью оправдало себя. Ну в самом деле, а где вы видели банкира-филантропа?..

Но в связи с новым договором с уральцами у Шацкого созрел и свой хитроумный, как он был уверен, план. Вот в него он уже никого посвящать не собирался – ни

родственников, ни партнеров. Хватит заниматься мелочами, решил он, пришло время главной ставки. Случай может не повториться. И сейчас он уже видел отчетливо, что интуитивно оказался прав.

Полученный вексель на пять миллиардов рублей, которые Шацкий по договору должен представить региону в рассрочку, Иван обменял в одном из филиалов того же Интеркомбанка на десять пятисотмиллионных, но в новых бумагах владельцем векселей значилась уже не Уральская продовольственная корпорация, а фирма «Контакт». Вот эти новые векселя банк «Деловой партнер» взялся обменять на наличные, выговорив себе на этот раз двадцать процентов от сделки. Шацкий не возражал, поскольку в данном случае, как никогда, первоочередную роль играл именно фактор времени.

Находясь в Екатеринбурге в связи с обсуждением перспектив дальнейшего сотрудничества, Иван Игнатьевич сделал контрольный звонок Авдееву, однако секретарь президента несколько его озадачила, сообщив, что Олег Никифорович отбыл на отдых. Куда? Как обычно, на Багамы. И вернется в Москву не раньше середины февраля.

Конечно, президент банка может себе позволить отдых в любое время, лишь бы дела не стояли. Но руководитель юротдела банка, который должен быть в курсе договоренностей Шацкого и Авдеева, почему-то на все вопросы Ивана Игнатьевича отвечал неохотно и уклончиво. Даже на миг закралась тревожная мысль: уж не захотели ли партнеры этак элементарно «кинуть» его? Этого нет, тот не знает, третий советует малость обождать, пока что-то у них там утрясется. С помощью собственных связей Шацкий наконец выяснил, что вроде бы в «Деловом партнере» в настоящее время работает какая-то комиссия Центробанка, цели и задачи которой известны лишь узкому кругу руководителей. Очень странно, что в такой ситуации господин президент спешно отбывает за границу на отдых.

Вот все, вместе взятое, и поставило Ивана Игнатьевича буквально на грань нервного срыва.

Спешно вернувшись в Москву, хотя дела еще задерживали его на Урале, он кинулся, естественно, первым делом в собственный офис. Надо было поглядеть документы, поступившую почту, – может, она что-нибудь подскажет? Но у Лильки ничего нового не оказалось.

Он помчался в Южное Бутово, в «Алко-сервис». Но дальше проходной его элементарно не пропустили. Он зачем-то стал объяснять, кем является, что гендиректор – его свояк, что женаты они на родных сестрах, а он здесь не в первый раз и все такое прочее. Но его разговоры не произвели ни малейшего впечатления на двух охранников с бритыми затылками, облаченных в утепленную камуфляжную форму, в которой по телевизору показывают главным образом генералов из Москвы, посещающих театр противотеррористических действий на Северном Кавказе. Эти крепкие ребята с далеко не музыкальными голосами посоветовали посетителю убираться от греха подальше, пока он им не осто... хм-хм. А если есть охота снова посетить, то пусть он завтра сперва договорится о пропуске, который ему закажут из дирекции. Кстати, они тоже подтвердили, что никакого Ефима Анатольевича Силина не знают, ни разу в глаза не видели и не слышали о таком. И вообще они здесь служат вторую неделю. Вали, мужик, не отвлекай от службы...

Но еще более сильное впечатление, чем грубость охраны, а также странная ситуация с Силиным, произвел на него совершенно непонятный внешний вид задымленных стен складских помещений. На его вопрос, что здесь случилось, охрана просто уже озверела и вытолкала его едва ли не взащей. Ничего не оставалось, как только вернуться в свой офис и, как обычно, сорвать злость на Лильке. А поскольку это было не впервые, Лилия Михайловна знала, чем все всегда начинается и к чему в конце концов приводит.

У нее было немного достоинств, но этим малым она владела в совершенстве. Мужикам очень нравилось. Несмотря на свой сорокалетний возраст, притягательности эта чертова Лилька не растратила, а остальное за просто компенсировалось щедрым опытом.

Словом, малость охолонул Иван в объятиях бывшей жены и под вечер отправился домой. Тишина в квартире, но особенно пустой холодильник – Шацкий вспомнил, что за весь день толком даже не пожрал, а энергии потратил! – привели его в ярость. Но пока он сидел и выдумывал кары бессовестной супруге, она явилась, делая вид, что безумно устала. Это целый-то день протирая задницу в своем идиотском архиве?! И не ведает, что все вокруг нее уже летит в тартарары!..

И еще он подумал, что вряд ли стоило ему в свое время менять шило на мыло. Толку от этой Татьяны в буквальном смысле никакого. Лилька хоть и дура набитая, зато в ней никакого жлобства отродясь не проявлялось, а уж что она

умеет, так другим еще поучиться! Если получится. А эта – не из простых! Своего не упустит, и все – тишком. От барахла шкаф ломится, так хоть бы носила! Не-ет, погоня ей, вишь ты, к лицу! А в постели – колода колодой...

Вот на этой обидной для себя ноте и заснул усталый и задерганный Иван Игнатьевич. И сон его был какой-то провально-тревожный.

А Татьяна Кирилловна, вдоволь нарыдавшись над своей неустроенной судьбой, ушла в другую комнату, закуталась в плед и тоже заснула под бубнящий звук тихо работающего телевизора...

Глава четвертая

Супружеский подарок

Кто-то из философов, кажется Григорий Сковорода, велел написать на своем могильном камне: «Мир ловил меня, а я – убежал». Это очень мудрая мысль.

Так размышлял Александр Борисович Турецкий, бреясь в ванной перед зеркалом и внимательно разглядывая свою на удивление свежую, не тронутую никакими пороками физиономию. А все почему? Воздержание – великая вещь! Сбежал ведь! Притворился, обманул, разочаровал, охмурил и бросил... Не словил тебя мир в свои развратные тенета! А может, зря не словил? Нет, было во всем происходящем нечто нарочитое, слишком наигранное, неискреннее, словно какая-то пока неясная подстава.

Но, с другой стороны, с каких это пор он отказался от риска? А с тех пор, как сообразил наконец дурьей своей башкой, что риск риску рознь. Впрочем, если не явился из небытия благоверный, за ночь девушка наверняка остыла и успокоилась. Уходя от нее, Турецкий надеялся, что никакие новые шальные мысли уже не посетят ее взбалмошную головку.

Он, честно говоря, жалел, что вчера предложил Элине съездить к ним на дачу. Сейчас уже ясно, что место его – на Истре, в объятиях семьи. Однако и трепачом тоже быть не хотелось. И он решил посоветоваться со Славкой.

Грязнов долго не брал трубку, наконец пробурчал сонным голосом:

– Это кто?

– Ты разве не собираешься на службу?

– А-а... – узнал Грязнов. – Чего так рано? Только домой заявился?

– Вячеслав! – копируя меркуловскую интонацию, обиженно заявил Турецкий. – За кого ты меня держишь? Всю ночь я провел в собственной постели! Чист, как стеклышко, и трезв, аки агнец божий.

– Чудеса... Выгнали, что ль?

– Зачем? Девушка с горя накушалась без всякой меры и отключилась, – решил соврать Турецкий. – А в некрофилии меня еще никто не обвинял.

– Скажите! И каковы ваши дальнейшие действия?

– Да вот собираюсь пойти привести в чувство и съездить по одному адресу. У них, оказывается, где-то на Калужке летняя дача имеет место быть. И что-то мне подсказывает...

– Ну давай, – кисло сказал Грязнов. – Я буду у себя. Если что.

Вопреки уверенности Турецкого, что мадам еще «пребывают в постели», явь превзошла все его ожидания. Элина встретила его во всем великолепии как минимум почетной гостьи лучшего из курортов в Давосе. Яркость, вероятно, очень дорогого спортивного наряда соперничала с классическим горным загаром, особенно заметном при свете дня. Она была готова. Ко всему, наверное. Странно, что у нее не возникло никаких сомнений в том, что господин особо важный следователь не подведет ее, не обманет. А ведь какое-то время назад сам Турецкий еще не был ни в чем уверен.

Стараясь быть тактичным и вежливым, он мягко намекнул Элине, сверкающей всеми цветами радуги, что дело, ради которого они собираются выехать за пределы Москвы, все-таки не самое радостное. И нельзя исключить, что

результат может оказаться неожиданным, тьфу-тьфу-тьфу, как говорится. А если вдруг, то... в общем, она девочка умная и понимает, что придется разговаривать с посторонними людьми, изображать скорбь, если угодно... Или ничего не изображать, но все равно присутствовать, мало ли как могут сложиться обстоятельства! Одним словом...

Она мгновенно все поняла и ничуть не обиделась на выражение «изображать скорбь». Поинтересовалась лишь, не пожелает ли он поприсутствовать при ее переодевании, дать совет, в чем лучше ехать, высказать еще какие-нибудь важные соображения. Ну такие дипломаты, блин, что дух захватывает!

У нее был богатый выбор спортивных костюмов. Взгляд Турецкого остановился на очень скромном – из струящейся ткани болотного цвета. Он был и легким, и каким-то очень основательным, что ли, – удобным во всех отношениях и не требующим дополнительного утепления.

– А у тебя губа не дура, – заметила Элина. – Даже и не угадаешь, сколько он стоит! Это же эксклюзив от Пако Рабана!

Она быстро и как-то очень ловко переодевалась, будто всю жизнь только этим и занималась на глазах восхищенных мужчин. Ох, зараза!

– Ты уже позавтракала? – тайно вздыхая и отводя глаза, спросил Турецкий.

– Да так, по мелочам... А ты?

– Я? Н-нет... – почему-то соврал Турецкий, хотя еще до того, как встал под душ и побрился, слопал две холодные домашние котлеты из холодильника и запил таким же холодным кофе, приготовленным с вечера.

– Так что ж ты молчишь? Идем, накормлю!

– Нет, я не о том. Ехать придется неблизко. Вот я и думаю, что было бы неплохо взять что-нибудь с собой. Термос там, перекусить чего-то, а?

– Пикник?! – радостно взвизгнула она. – Ура! Молодец! Выгребай из холодильника, что хочешь, а я сейчас сумку принесу. А выпить чего взять?

– Мы же за рулем!

– Интересно, а кто посмеет тебя остановить? Ты же – генерал!

У нее определенно были не все дома. Или – наоборот: она жила так, как хотела, воспринимая окружающее с точки зрения своих личных удобств. Завидная доля...

– Откуда ты знаешь? – удивился Турецкий. Вчера об этом даже и намека не было.

– Разве я говорил?

– А мымра сказала... – небрежно отмахнулась она. – Разве не так?

Турецкий неопределенно пожал плечами: мол, думай, как желаешь. Ну генерал, так что из того?

– Ах какие мы скромные! – засмеялась Элина. В ее беспечности не прорывалось и намека на то, что могут случиться неприятности, что речь идет в конце концов о жизни человека, мужа – каким бы он ни был, черт его побери!.. – А ты костер умеешь разводить?

– Какой костер? – не понял Турецкий. – Зачем?

– Чудак, а как же мы шашлык будем жарить? Ты разве ешь сырое мясо?

– Какой шашлык, девочка? – словно ребенку стал втолковывать Турецкий. – Думай, что говоришь! Вот если все там будет в порядке, вернемся, ну, может, разве что...

– Ничего ты не понимаешь, – заявила она и показала на большую сумку, уже забитую неизвестно чем. – Бери, поехали!..

Все оказалось не так и далеко, как представлялось, каких-то шестьдесят километров от кольцевой, в сторону Калуги. И дорога спокойная, несмотря на субботу, машин почти не было. Правда, гибэдэдэшники поглядывали на мягко несущийся джип, но поводов для остановки Турецкий им не давал, ехал ровно и

грамотно. Очень приятно все-таки вести мощную и тяжелую машину, которая слушается буквально твоего взгляда.

За деревней Каменкой, в поле, с правой стороны шоссе, раскинулся дачный поселок. «Новорусских» замков здесь еще не было, но среди «курытников» и сарайчиков вырастали и вполне добротные дома. Так называемое летнее жилье Силиных находилось на дальнем краю, как заметила Элина, на последней линии, там, где за домами виднелась полоска леса.

Снегу еще намело немного, да и трактор из близкой деревни постоянно расчищал «линии» – Санкт-Петербург им тут, елки-палки!

На въезде к джипу подошел молодой парень в кедах, камуфляжных портках и серой телогрейке посмотреть, кого принесло. Элину он, естественно, узнал, было бы странно, если бы такая женщина да не запомнилась в этой деревне.

– Здравия желаем, Элина Кирилловна! – приветствовал парень, из чего Турецкий сделал вывод, что тот, скорее всего, недавно вернулся из армии. Но говорил-то он красивой женщине, а глаза его с подозрительным интересом скользили по Турецкому.

– Привет, Коля. – Элина открыла дверцу. – Что новенького?

– А тут ваши приезжали, – доложил он, видать, с тайной мыслью, что, закладывая некоторым образом супруга, делает приятное женщине, прикатившей, в свою очередь, с мужиком. Ох эта тайная дипломатия! И расчет тут самый простой: я тебе вроде по секрету, исключительно по-дружески, ну а ты, соответственно, оплати уж мои старания.

– И давно он был, Коль? С кем, не видал?

– Да что вы! На двух машинах, там такая компания! Крутые мужики! Я подумал, чего это они по морозцу-то решили гулять? Дровишек приготовил, ждал – зайдут, попросят, ну и вообще. Народ сейчас не ездит, то ли бензин подорожал, да и ехать-то чего – разве выпить! А что, дома нельзя?

– Долго были?

– Да не... какое! С час побыли и укатили. Парень из передней машины выглянул, смеется, говорит: «Готов хозяин, набрался – и в отключку!» И бутылку мне сует. «На, – говорит, – можешь помянуть!» Хохмач. А я гляжу: ваш-то, извините, на сиденье развалился и слюни пускает. И шапка на носу. Ну, думаю, – парень довольно и несколько подобострастно рассмеялся, – щас ты домой-то приедешь, тут тебе Элина Кирилловна расскажут, почем кило гвоздей! Ага? Было? А вы – надолго? – Он искоса глянул на Турецкого, прикидывая, что может поиметь и из этой ситуации. – Если дровишек для костра, я вам за милую душу! Вы знаете. А вообще-то у нас тут не холодно, даже запросто ночевать можно, если рефлектор включить. Верно говорю? – Он уже с настойчивой фамильярностью обратился к Турецкому.

– Молодец, – сказал Александр Борисович, – мыслишь в правильном направлении. А ты, Коля, дежуришь сегодня?

– Как положено. Смена утром. Так что, если чего...

– Ладно, далеко не уходи. Поедьте, Элина Кирилловна, – сказал Турецкий довольно жестко. – Показывайте дорогу.

Сторож слегка растерялся: тон «мужика» был не совсем подходящим для известного дела. Подумал маленько, поднял трос, который перегораживал въезд в дачный поселок, и пошел на дальний край, куда укатил джип. Мало ли чего! Интересно все же...

Дача Силиных представляла собой действительно летнее сооружение – обычный щитовой дом на две комнатенки. Странно, что богатые люди перебиваются в подобной конуре. Заметив удивленный взгляд Турецкого, Элина объяснила:

– Фима у какого-то своего еще школьного приятеля купил землю, чтоб начать строительство, да все руки не доходили. А мы здесь и были-то за все годы, может, три-четыре раза, веришь?

– Верю, – ответил Турецкий, окинув глазами пустой, засыпанный снегом и огороженный металлической сеткой участок, на котором не росло ни деревца, только торчали из сугробов сухие прутья, именуемые, кажется, осотом. И следов от калитки к крыльцу тоже не было, только небольшая канавка. Ну да, была метель, все занесло. – Давай ключи и подожди тут, я сам схожу и открою.

Надо было сапоги надеть, снегу почти до колена, но Турецкий, зачерпывая полные ботинки, храбро прошагал к крыльцу, отыскал в связке ключей нужный, отпер висячий замок. Стуча ботинками, отряхнул брюки, поднялся на небольшую застекленную веранду и не без труда открыл английский замок.

В доме было холодней, чем снаружи. И темно, поскольку окна завешены старыми одеялами. В первой комнате было пусто и неприбранно. Дачные плетеные стол и стулья свалены в кучу.

Дверь во вторую комнату открыл с трудом – разбухла. Вошел, огляделся и тут же вышел на веранду, оставив обе двери открытыми. Элина курила, облокотившись на калитку.

На близком шоссе, проносясь мимо, гудели машины. Падал легкий снежок. Если б не машины, было бы совсем тихо. Как в гробу, подумалось почему-то.

Турецкий, стараясь наступать в свои же следы, выбрался на дорогу. Элина вопросительно взглянула на него. А он достал «мобильник» и набрал номер Грязнова.

– Слава, – сказал нарочито спокойным голосом, – а ведь я снова оказался прав. Значит, записывай: по Старой Калужке, сразу за Каменкой, восьмидесятый километр на указателе. Справа – съезд в дачный поселок, по улице прямо, до конца и налево. Увидите нас.

– И давно он там? – всего-то и спросил Грязнов.

– А это мы уточним у сторожа. Он видел. И даже здоровался.

– Вот как? Ладно, сейчас займусь. Это у тебя Подольский район?

– Да.

– А она как?

– Еще не знает. Картинка неприятная... Ну ждем.

Турецкий убрал трубку в карман и посмотрел в глаза Элины, в которых застыло вопросительное ожидание. Но никакого волнения.

– Слушай, чего там?

Заметив приближающегося сторожа, Турецкий наклонился к женщине и негромко сказал:

– Будет правильно, если мы с тобой будем разговаривать на «вы». Я в данном случае как бы при исполнении, поняла?

– А что?..

– А то, что в доме покойник. Но пока тебе туда ходить не стоит. Придется посидеть в машине. В любом случае пикник отменяется. Запомни и не ляпни чего-нибудь в этом смысле.

Элина только глубоко вздохнула и полезла в сумочку за новой сигаретой.

– У тебя стальные нервы? – с сочувствием произнес Турецкий.

– Откуда... – Подрагивающими пальцами она поднесла огонек зажигалки, прикурила и сказала негромко и тоже быстро, чтоб успеть до подхода сторожа: – Ты помнишь, я говорила: тот рассказ его был просто ужасен. Но самое страшное – я не почувствовала к нему ни малейшей жалости... Может, тогда все и умерло?

– Не знаю, – пожал плечами Турецкий. Он махнул рукой сторожу, а когда тот подошел, сказал: – Ну вот какие дела, Николай. Неприятность тут у вас. – Турецкий достал свое удостоверение и показал сторожу. Тот внимательно прочитал и изумленно уставился на него:

– А чего случилось-то?

– Случилось убийство, Николай. Вот в этом самом доме. Поэтому топтаться там мы не будем, а пока сюда подъедет дежурная оперативно-следственная бригада из Подольска и товарищи из Москвы, мы побеседуем с вами о том дне, когда здесь были крутые ребята, и почему вы считаете, что видели в машине

уезжающего хозяина дома. – Турецкий обернулся к женщине: – Элина Кирилловна, вы слышали, что я докладывал начальнику МУРа? Да, зрелище отвратительное, хотя опознавать покойного вам все равно придется. Но пусть сперва подъедут следователь, оперативники, эксперт-криминалист, судебный медик, а после наступит и ваша очередь. – И снова к Николаю: – Нам понадобятся понятия. Есть тут сегодня кто-то из дачников?

– Можно пойти поглядеть... Напарник мой есть!

– Вот, давайте оба вы и будете. Закончим разговор, и вы пригласите его сюда. Но с посторонними общаться пока не надо: такие новости в деревнях будто пожар. Не будем мешать следствию. Итак, когда сюда приезжал хозяин дома? Кто с ним был и сколько человек? Этих постарайтесь описать поподробнее, вроде того весельчака, который предлагал вам хозяина помянуть. Какие машины? Ну, в общем, мне нужно сейчас знать все, что касается того дня и посетителей. Не приезжали ли они позже и так далее. Вы мне расскажете, вспомните, а потом вам придется все это повторить следователю, уже под протокол. Так что вспоминайте, чтоб потом было легче рассказывать. А вы, Элина Кирилловна, залезайте в машину и отдохните, тут предстоит долгая работа.

Элина послушно забралась в джип, а Турецкий жестом показал сторожу, что готов его выслушать...

Силина сторожа дачного поселка знали достаточно хорошо. Но не потому, что он тут часто бывал, проявлял обычную для богатых дачников щедрость: угощая выпивкой, оставляя несъеденные свои припасы или нанимая деревенский народ на всякого рода огородные работы. Нет, вот как раз у Ефима Анатольевича на дворе ничего не росло, даже вопреки постановлению об обязательных посадках на дачных участках плодовых деревьев и ягодных кустарников. У прежнего хозяина не было никаких посадок, и Силин, став владельцем, тоже к сельхозработам склонности не проявлял, объясняя всем, что вот однажды возьмется наконец за дом, распланирует землю, как надо, тогда и займется посадками. Поставить ему теплый дом, а из этого сделать сарай не раз брались было деревенские мужики. Но все они, будучи известными в округе пьяницами, обязательно требовали аванс вперед, а Силин не собирался стимулировать пьянку. Поэтому все планы так и заканчивались разговорами, уговорами, а в конце – отказом. Однако, расставшись с одной бригадой, Силин находил другую, которую ему советовали местные же. И снова разговоры-уговоры,

сопровождавшиеся обильными возлияниями. За это Силина и уважали, неважно, что дом все равно никто б и не взялся строить, тут для этих целей заезжих армян, белорусов хватало, вот пусть они и пашут. А местные назывались совхозными и по этой причине были способны лишь на разовую халтуру: лесину приволочить трактором, прицеп навозу с фермы продать, ну и прочее – по мелочам.

Вот и в этот раз, когда появились две машины – «мерседес» и джип «тоёта», полные народу, сторожа решили, что хозяин очередную бригаду привез: место показать, план свой объяснить, договориться о сроках и прочем. Оно хоть нынче и зима, а при такой погоде, глядишь, вон уже и весна видна, и, пока не развезло, надо материал завозить. Да мало ли бывает забот!

Правда, не шибко были приехавшие похожи на шабашников: видик нагловатый, мордвороты, да кому какое дело. Раз привез, значит, надо это ему. Силинский «мерс» сторожа знали, сам сидел рядом с водилой, видели его. Не вышел, как обычно, руку не пожал – ну так мало ли? Может, настроения не было. Никто и не обижается.

Машины сразу проехали к участку. Сторожа туда не ходили. Чего они там обсуждали, неизвестно, но шума точно не было.

Теперь, вспоминая и опасливо поглядывая на открытую дверь веранды, Николай морщил невысокий свой лоб, чесал макушку и щурился, будто от яркого солнца, которого не было и в помине.

Когда уехали, Николай сам дошел до этого дома – посмотреть, все ли осталось в порядке. Бывает, по пьянке дверь закрыть забудут. О калитке и говорить нечего, хотя тут, во дворе, шаром покати. Но увидел он лишь протоптанную дорожку до веранды, замок в петлях и занавешенные одеялами окна. Как обычно. Кстати, и следов хорошей гулянки тоже не было. Подумал тогда, что наверняка они в доме посидели: если нормально поддать – холода не почувствуешь. А в тот день вообще капало с крыш, словно весной.

Так когда же все-таки это было? Припоминал Николай и наконец назвал число. Турецкий прикинул: ровно неделя прошла. Но с ходу и другой вопрос возникал: если надо было что-то вынуть из мужика, зачем его в такую даль возить? Зачем исполнителям светиться? Да как еще? Помяни, мол, хозяина! Со смехом,

конечно, вроде в шутку. А на самом деле вышло очень даже всерьез. Или действовали отморозки, для которых вообще никаких законов не существует? Но они же не могли не знать, что, когда начнутся поиски пропавшего, сюда обязательно пожалует милиция. Значит, что? Спрятать труп, но так, чтоб его обязательно нашли? Идиотизм!

– А как внешне выглядел тот парень?

Николай сказал, что ничего запоминающегося. Круглое лицо, вязаная черная шапочка, какие все теперь носят – и мальчишки, и крутые, и даже спецназ в телевизоре. Ни усов, ни золотых зубов – обычное лицо. Не гундосил и не шепелявил. Ощерился в улыбке – и все.

А вот действительно ли был на заднем сиденье «мерседеса» пьяный Силин, Николай готов теперь усомниться. Ну то что пальто рыжее и шапка меховая – тут двух мнений нет, его. В них и приехал. А если оказывается, что хозяин здесь остался, и без пальто и шапки, выходит, что его одежду на себя кто-то другой напялил, чтоб быть похожим. Николай же Силина за руку не держал, в глаза не глядел. Во, мать твою!

– А может, там другой кто? – вдруг предположил Николай, глядя на дом.

– Там наверняка остались следы. А если мы табуном пройдемся, все затопчем. Вот приедут эксперты-криминалисты и разберутся, что к чему. Пригласят на опознание, успеете еще насмотреться...

– Это чего ж получается? – задумался сторож. – Труп у нас лежит целую неделю, и никто даже не чухнулся?

– Сидит, – поправил Турецкий.

– Как?

– К стулу привязан. Значит, его привезли сюда еще живого. И уже тут целлофан на голову надели... Непонятно, чего радовался тот парень? А что за водка была, не помните? Бутылка случайно не сохранилась?

– Водка-то? Так нормальная. Эта... ученого разлива, вспомнил! Черноголовка. Там, говорят, клепают чего-то, ну а спирт – ректификат, вот, значит, из него. Правда, калужский «Кристалл» не хуже, а по некоторым мнениям даже лучше, но это кому как. – Для сторожа данная тема, видать, была очень близкой. – Ну а бутылка? Чего ей? Валяется там. У нас только из-под пива принимают, темную посуду. А которая с фигурками разными – не, не берут. На кой она вам?

– На стекле могут следы пальцев того парня остаться.

– Так а мы ж тоже держали! Юрка да я.

Читать лекцию по дактилоскопии Турецкий не собирался, он просто сказал, чтоб Николай нашел ту бутылку и больше ее не лапал. Пусть постоит до приезда криминалиста. Но больше всего его интересовали остальные мужики, приезжавшие на джипе. Номеров, естественно, сторожа не запомнили. Только «полтинник» на номере у джипа – это значит подмосковный номер.

– Так сколько их всего было?

– В «мерсе» – четверо. Водила, Силин справа и двое сзади. А сколько в джипе, неизвестно, у него стекла темные. По улицам не болтались, дорожку только к дому протоптали, вот эту, – показал Николай на занесенную снегом ложбинку.

– Ну ладно, спасибо. Идите к себе, а как милиция подъедет, вместе с напарником подходите к нам.

Отпустив кивком сторожа, Турецкий забрался в джип, где все было тусклым от дыма: Элина, видимо, без перерыва курила. Странно, вчера он как-то не заметил за ней этой вредной для молодой женщины привычки. И табаком от нее не пахло, а ведь моментами совсем близко была – почти нос к носу, так что унюхал бы. Или это у нее от сильного волнения, которое она ничем не желает выказать. Но почему? Что тут противоестественного?

Турецкий опустил боковое стекло и, чтобы поддержать компанию, попросил сигарету. Последнее время он старался курить поменьше, поэтому с собой сигареты не носил и «постреливал». А так как сие не очень ловко в его положении, то получалось, что практически и не курил.

– Ну что скажете? – спросила Элина, протягивая ему зажигалку.

– Если в доме – Ефим Анатольевич, то к Зотову вам идти не придется. И никаких заявлений не нужно.

– Что значит – если? Давайте я пойду и посмотрю.

– Я уже объяснял сторожу: чем меньше посторонних следов, тем лучше для криминалиста.

– Ну а если там совсем чужой человек?

– Для вас это был бы лучший вариант.

Элина серьезно посмотрела на Турецкого, отвернулась, и ему показалось, что по губам ее скользнула усмешка.

– Не думаю... – сказано это было словно про себя, не для посторонних. – Начнется теперь...

До чего бывают бабы жестоки, уму непостижимо! Неужели этот несчастный с заиндевевым целлофановым пакетом на голове, с черным провалом лишенного воздуха рта и вылезшими из орбит белыми глазами так ничего доброго и не сделал в своей жизни, чтобы не заслужить вздоха сожаления у роскошной, холеной, сытой шлюхи?! Или это – его расплата, как горький итог несправедливо прожитой жизни? Полвека – разве жизнь? А может быть?.. Да нет, не стоило Турецкому предлагать себя в качестве судьи-моралиста, уж он-то хорошо знал, какие фортели иной раз выкидывает судьба. И при чем здесь шлюха! Живет, как может, как камень лег, как свыше предназначено...

Разговаривать было не о чем, да и не хотелось. А вот что бы сейчас с удовольствием сделал Александр Борисович, так это дернул целый стакан водяры – любого разлива, даже местного. Но он чувствовал, что не все слишком уж примитивно у Элины и может в любой момент наступить реакция, и тогда машину предстоит вести ему, не бросишь ведь теперь человека...

Наконец до слуха долетел рев форсированного движка. Турецкий вышел к перекрестку и увидел медленно движущийся «рафик» с милицейской мигалкой. Это наверняка прикатила дежурная оперативно-следственная бригада. Грязнов должен был тоже появиться с минуты на минуту.

В отличие от Турецкого, сменившего пальто на куртку, прибывшая бригада была хорошо «утеплена» – в полушубках, валенках, меховых шапках, знали, видать, куда ехали.

Александр Борисович «угадал» руководителя бригады, старшего следователя по особо важным делам Мособлпрокуратуры, и представился первым. Показал свои «корочки». Следователь, Платон Петрович, не удивился, значит, был уже проинформирован, с кем придется встретиться на месте происшествия. Турецкий хотел было объяснить ему причину своего присутствия здесь, но следователь лишь кивнул: знаю, мол. Его больше интересовала женщина – чего там им Славка наговорил?..

Вышедшая из джипа Элина произвела впечатление, это было заметно по взглядам, которыми обменялись приехавшие. Турецкий тем временем сообщил следователю о произведенных действиях. Тот слушал, кивал, словно сам уже знал нечто гораздо большее: похоже, был озабочен собственным престижем. Ну и хрен с ним. Идти снова в дом Турецкий не собирался: тут есть кому и глядеть, и опознавать. Он взял у Элины еще одну сигарету и, закулив, отошел в сторону, как бы освобождая от своего присутствия плацдарм для производства следственных действий.

Посоветовавшись между собой, члены оперативно-следственной бригады гуськом отправились по следам Турецкого к дому. Следователь жестом предложил Элине следовать за ними. А тут подошли и двое сторожей, которых Турецкий предложил следователю использовать в качестве понятых. Они тоже отправились на веранду.

Опознание длилось недолго. Не прошло и пяти минут, как сторож Николай вывел из дома Элину, а она, сойдя на снег, ухватилась обеими руками за перила лестницы, и ее буквально вывернуло. Ну да, зрелище, в общем, не для слабонервных. А она молодец, долго все-таки крепилась. Пока сторож, подхватив ее, вел по неудобной тропинке к воротам, Турецкий раскрыл «пикниковую» сумку в джипе, нашел там термос, пару небьющихся стаканов и бутылку коньяка. Захватила-таки! Обнаружил на дне сумки и большую

пластиковую бутылку с минеральной водой.

– Нате, Элина Кирилловна, прополощите рот, – он протянул ей стакан с минералкой. Во второй налил до половины коньяку, а в крышку термоса – дымящийся кофе.

Она молча пристроилась на узкой ступеньке джипа, сделала все, что сказал Турецкий, и стала заметно приходить в себя. Александр Борисович наклонился к ней:

– Ну как себя чувствуешь?

Она быстро взглянула на него и задала вопрос, который поставил Турецкого в тупик.

– Уже можно снова на «ты»? – наивно так спросила, простенько.

– Нет. До отъезда и не мысли, ясно?

– Ясно, мой генерал... Кстати, это он.

«Эй! – чуть было не вскрикнул Турецкий. – Ты это чего?!» Но промолчал и только погрозил ей пальцем. Ну и дьявол же сидит в этой женщине!.. Ничего себе – «кстати»! Чтоб она не устроила тут какой-нибудь ненужной демонстрации, он велел ей залезть в машину и сидеть там, пока не позовут. Она отреагировала опять по-своему:

– Ну вот видишь, я уже тяпнула, значит, обратно ты поведешь машину? – шепнуть-то она шепнула, но при этом подмигнула так, будто была твердо уверена, что Турецкий больше не сорвется с ее крючка.

Грязнов появился тогда, когда следователь, покинув дом и усевшись в своем «рафике», допрашивал сторожей. Следующей была очередь Элины. Закончил свою часть работы и судмедэксперт. Он ожидал прибытия из Подольска труповозки, чтобы отправить тело в морг. Эксперт-криминалист облазил на коленях комнаты и веранду, опылял дверные ручки и спинки стульев, собирал следы рук. Так же старательно упаковал найденную и принесенную ему бутылку

из-под водки «Богородская», действительно изготовленную в Черноголовке. Чудеса Господни!

В общих чертах, как заметил следователь, картина была понятная. Силина привезли сюда живого, но, вероятно, крепко избитого. Может быть, даже без сознания. А здесь закончили пытку.

Турецкий, понимавший, что на повторный рассказ о мытарствах супруга в германских землях Элины просто не хватит, посоветовал ей максимально сжато изложить следователю только сами факты: преследовали, нашли даже за границей, суть их требований и чем все кончилось в Москве. И никаких собственных комментариев. Не лезла в дела мужа, ничего не знаю, точка. Обязательно надо сослаться на роль сестры, которая и привела ее к Грязнову. Свою же роль в деле Турецкий объяснял просто: случайно оказался рядом, как профессионал дал пару советов и попал, что называется, в точку: труп нашли. Большого этому областному следователю знать и не надо.

Если же областной следователь окажется человеком умным, то есть готовым выслушать совет постороннего, или, во всяком случае, соображения профессионала, Турецкий смог бы доказать ему, что поводов убрать Силина у этих отморожков было, вероятно, предостаточно. Ну хоть в качестве примера: отобрали дело, велели не рыпаться, а он не послушался и попер танком, поймали, замочили. Как один из вариантов. Впрочем, их могло быть не менее десятка – уж умения строить версии Александру Борисовичу было не занимать.

Для Силина же любой из вариантов должен был закончиться одинаково, ибо по нынешним временам свидетелей грабежа, а тем более жертв, в живых не оставляют. Нюансы же зависели от того, как провел свои последние дни Ефим Анатольевич – с кем встречался, на что рассчитывал.

Если в деле замешана подольская братва либо щербинская, что, в сущности, без разницы, подольская же прокуратура пупок рвать не станет, торопясь найти убийц. В городе, и это хорошо известно, сложная криминогенная обстановка, имеются многочисленные жалобы, что немало правоохранителей напрямую «кормится» от уголовных авторитетов. А проще – оглядеться, и сразу напрашивается вывод: где еще можно встретить на каждом шагу такое количество бритых затылков и крутых иномарок с наглыми сопляками за рулем?..

Пока Платон Петрович допрашивал в «рафике» вдову Силина, Турецкий в темпе высказал Славе все свои мысли по поводу силинского дела. Грязнов не собирался вдаваться в детали предыстории этого убийства, но верил другу и тоже считал, что все здесь очень непросто. И местные деятели, конечно, не потянут. Нет, не потому, что может опыта не хватить, а по той причине, что им просто не дотянуться до возможных фигурантов, забравших себе алкогольный бизнес Силина. Исходя из этих соображений, он и позвонил сразу в областную прокуратуру. Эти смогут, у них прокурор – человек жесткий и независимый.

– А чего ж тогда сам примчался? – с ехидцей подкузьмил Турецкий.

– А это чтоб одного моего близкого приятеля не ставить в весьма щекотливые обстоятельства. Прикатил он, понимаешь, с чужой бабой, а тут ему сюрприз. Подарочек от супруга той бабочки. Опять же покойный – родственник моей сотрудницы. Словом, снял я с вас возможные подозрения, а теперь удаляюсь на службу.

– Умный ты, однако, – покачал головой Турецкий.

– Мудрый, – поправил Грязнов. – Между прочим, я могу кинуть к ней за руль своего опера, он доставит и доложит. А тебе ехать бы со мной, а? Никак не греет?

– Обещал, понимаешь... – удрученно стал оправдываться Турецкий. – Это было бы варварски жестоко по отношению к молодой вдове. Но воскресенье – кровь из носу! – я посвящу только семье! Ну а ты разве смог бы оттолкнуть, бросить без присмотра несчастную женщину?

– Это ты хочешь думать, что она несчастна. А по моим наблюдениям, ее очень даже устраивает данная ситуация. Надеюсь, тебе не придет в голову заняться еще и организацией похорон?

– Зачем? Есть бюро, агенты. Плати – сами на руках отнесут и зароят... Меня больше сейчас этот Платоша из областной интересует.

– Если не секрет?

– Все зависит от того, какие вопросы он задаст Элине. Из чего, собственно, и можно будет сделать вывод: начнут копать или спишут на очередную разборку.

– Не исключено, – согласился Грязнов. – Так ты расспроси дамочку, а я его отвлеку каким-нибудь трепом. По-моему, он поддался ее чарам и заканчивать не собирается...

Элина оказалась умнее и сообразительнее, чем он предполагал. Она умела не только говорить, но и слушать. Советом Турецкого воспользовалась полностью, так что в этом смысле следователь мог быть ею доволен. А его вопросы, их последовательность сразу указали Турецкому, что Платон Петрович уже имел единственно приемлемую для себя версию, отступить от которой, видимо, и не собирался. А версия эта выглядела так, что именно полукриминальный бизнес Силина – а каким же еще может быть водочный бизнес?! – и явился главной причиной бандитской разборки. Наверняка кому-то он недоплатил или «кинул», как это обычно в уголовной среде, его «поставили на счетчик», он сбежал, его нашли, ну и... понятное дело. На резонный вопрос: почему просто не убили и не закопали где-нибудь в лесу? – у следователя был готов ответ: вероятно, хотели все-таки по-хорошему, без «мочилова». Побазарить, выпытать, что надо, и отпустить жить дальше.

– Странный следователь, – сказала Элина. – Хочет быть мрачным, а губы все время улыбаются... А еще интересовался, чего ты тут забыл. Я ответила.

– Что сказала?

– Пожалел несчастную вдову. Как договаривались.

– Откуда ж мы знали, что ты уже вдова?

– А это только дураку непонятно. Он, кстати, тоже за это ухватился. Может, говорит, у вас и своя версия имеется? Тогда он готов сегодня же, поближе к вечеру, навестить меня в Москве и подробно обсудить ее наедине, без посторонних, так сказать. Каков гусь?

– Что ты ответила? – сухо поинтересовался Турецкий и удивился, что в нем, оказывается, неожиданно вспыхнула ревность. Без всяких к тому оснований.

– Сказала, что для обсуждения версий у меня уже имеется необходимый круг лиц, и расширять его не намерена. В общем, отшила, он сообразил, что ему не светит, и стал хмурым. А, пошел!.. Скажи, наверное, надо подождать, пока увезут... да?

– И дожидаться, и дом закрыть, и сторожам на водку дать, чтоб за порядком следили. А как же! Короче, посиди в машине, а я с судебным медиком поговорю... Да, тут еще такой вариант возник. Надо бы нам с Грязновым в областную прокуратуру заскочить вместе с этим Платоном. А тебе Вячеслав готов предложить своего водителя: доставит в лучшем виде, можешь не волноваться. Что скажешь?

Вопрос был, конечно, провокационный. И задал его Турецкий по не совсем понятной самому себе причине. Если хотел в чем-то удостовериться, то – в чем?

У Элины вдруг в буквальном смысле вспыхнули глаза, как у кошки, она будто подобралась вся для прыжка.

– Ты с ума сошел? – зашипела, воровато оглядываясь: не наблюдает ли кто? – А утешать несчастную вдову кто сегодня будет?! Даже и не думай! Сам поведешь машину. Иначе скандал закачу!..

– Ты соображаешь, что несешь? Какой скандал?

– Шучу, – серьезно ответила она. – Не бойся, женить тебя на себе не собираюсь! Хотя – чем не невеста? Красивая, богатая. Может, подберешь мне подходящего женишка? Чтоб и мужиком был, и не жлоб? Да ладно, не кривляйся! Неужели ума не хватает понять, что мне тошно от всего этого?..

Они говорили приглушенно, почти шепотом, и от этого каждая произнесенная фраза приобретала особую значительность. Но Турецкий понял, что дальнейшие эксперименты ни к чему, он и не собирался их ставить. И про прокуратуру ляпнул просто так, к слову, поскольку ни с каким прокурором нет нужды беседовать. А вот везти домой Элину придется...

Подробности беседы с судмедэкспертом Элине были абсолютно не нужны, и Турецкий, ведя машину в Москву, не стал касаться этого вопроса. Заметил лишь, что прощание с телом можно организовать в морге МОНИКИ. Протянул Элине

бумажку с телефонным номером, по которому надо будет позвонить в связи с похоронами. Элина, не глядя, сунула в сумочку, сказав, что отдаст Таньке, та все умеет и сама устроит, что необходимо.

Уже в Москве, на Комсомольском проспекте, подъезжая к дому, Турецкий спросил, что мадам намерена делать дальше? Она удивленно посмотрела на него и ответила, что называется, с римской прямоотой:

– Избавиться от всех мрачных мыслей. Под душем. Вдвоем. А потом надраться. Или совместить первое со вторым. Или вообще не надираться.

– А кто второй? – резонно поинтересовался Турецкий.

– Ты, – заявила она. – И тебе придется очень сильно постараться, чтобы заслужить мое прощение за вчерашний побег.

– А что, я в самом деле могу получить прощение? И когда же?

– Завтра утром. Не собираюсь вовсе лишать тебя семьи. Ты – способный мальчик, причину придумаешь. Потом.

– Вот как! – И подумал с холодком: «Это называется бежать впереди собственного визга. Придется опять огорчить... Вот уж где раздолье для Славкиного юмора!..»

Турецкий знал за собой такую слабость: его организм, его «эго» постоянно нуждаются в разнообразных маленьких победах – и пусть это будут симпатичные официанточки, вагонные попутчицы, даже милые проводницы, – не суть и важно, какой случай Бог пошлет. Ведь не на чью-то беду кидается он, очертя голову, во встречные ласки! Значит, срабатывает древнейшая тяга, поиск всепоглощающей взаимности. И самое лучшее случается именно тогда, когда мозги не успевают контролировать эмоции.

Но быть послушным инструментом, а тем паче – собственностью даже чрезвычайно привлекательной, но похотливой и эгоистичной бабенки? Это уж позвольте!

И тут же услышит Турецкий полное сарказма и иронии резюме Грязнова:

– Снова огорчил девушку, Саня? А может, тебе к врачу надо?

И свой ответ:

– Увы, Славка. Я вдруг подумал, что утешение и удовольствие – это совсем не одно и то же. И редко сочетаются... Ты знаешь, в какой-то момент мне вдруг стало жалко этого мудака Силина. Действительно, старый козел.

– А вот тут ты не совсем прав, Саня, – мягко, но и безапелляционно возразит Грязнов. – Мы же с ним практически ровесники. Почему же старый? Это ты у нас все еще в козликах...

Черт возьми! Ведь придется еще и извиняться, что случайно сорвавшееся с языка к Славке не имеет ни малейшего отношения. Нет, прав был хохлацкий философ...

Глава пятая

Крутые ребята

Шацкий решил еще раз предпринять попытку встретиться с новым руководством «Алко-сервиса». А что ему оставалось делать? Поэтому и субботнее утро он начал с покаяния. Хоть и душа не лежала, но понимал: хуже уже никак не может быть...

За завтраком он вел себя так, будто ничего накануне не произошло. Даже поинтересовался служебными делами жены, чем привел ее в легкое изумление. Между делом сослался на собственные неприятности, которые действуют на настроение. Выходя из-за стола, полуобнял Татьяну и, поцеловав за ушком, прошептал:

– Ты прости меня, девочка... Какой-то я стал злой, несдержанный. А ты страдаешь... Я же вижу.

Она тут же собралась было начать жаловаться ему – причин было немало, но он ловко перевел разговор в нужное ему русло.

Находясь на Урале и не поддерживая никакой связи с фирмой Силина, Иван Игнатьевич, разумеется, не знал о несчастьях, обрушившихся на голову родственника. Поэтому и пожар, и разгром на базе, а также все события, связанные с пребыванием семьи Силиных в Германии, в кратком пересказе Татьяны буквально потрясли Шацкого. Сама же Татьяна знала лишь то немного, что решила ей в свою очередь рассказать очень, оказывается, скрытная Элина. Но и этого малого Ивану хватило, чтобы теперь, уже по-трезвому, увидеть, что тут не случайная цепь тревожных событий, а полная катастрофа. И значит, все его вчерашние предчувствия, помноженные на злость, алкоголь и очередной семейный разрыв, имели под собой основания.

Он не мог находиться в неопределенности, ясность же могли дать только конкретные факты. Ефима нет. Что-то знает Элка, естественно, она далеко не все рассказала бы сестре. По ходу дела промелькнула фамилия Авдеева, и это насторожило. Одного Авдеева, который Олег Никифорович, Шацкий знал хорошо: президент банка «Деловой партнер». Может быть, это он? Или просто случайный однофамилец? Неужели мир действительно настолько тесен, что партнерам и разойтись невозможно?..

Но Олега сейчас в Москве нету, отдыхает на морях-океанах. У него, получается, не спросишь. Остается немного. Попробовать все-таки пробиться к новому руководству «Алко-сервиса», чтобы выяснить, что возможно. Ведь если следовать логике Ефима, он вполне был способен снова «наострить лыжи», и на этот раз без Элки, поскольку толку от нее как от козла молока. Это если судить по Танькиному рассказу.

Вообще-то сестра, конечно, несправедлива. Если по большому счету и в определенном смысле, то именно от Элки больше пользы, чем от десятка Татьян. Но сейчас думалось об этом как-то посторонне, хотя, случись такая возможность, Иван не преминул бы наставить Фимке хорошие, ветвистые рога. А если еще вспомнить, как Элка иной раз поощрительно подмигивала ему, Ивану, не оставалось сомнений, что и она очень даже не прочь. Отсюда, скорее всего, и выскочила та кошка, что пробежала между сестрицами.

Но это все абсолютная чепуха, когда речь идет о жизни и миллионах...

– Слушай, Тань, как ты считаешь, может, позвать Элку? Мы ж с тобой ей не чужие. Представь, каково ей сейчас одной! А заодно я попытался бы еще что-нибудь вытащить из нее, а? Дела-то ведь очень хреновые. Надо бы нам, наверное, как-то всем вместе...

– Ты серьезно? – Непонятно было – она смеется над ним или издевается над ситуацией. Неужели опять за старое?..

– Я – серьезно. Позвони, пригласи приехать. У меня, к сожалению, сегодня все дела стоят – суббота, будь она проклята. А теперь из-за Ефима... а-а, что говорить! – Он в отчаянии махнул рукой.

– Подожди, я опять ничего не понимаю, – перебила жена. – Какое тебе, собственно, дело до Ефима? Вас же ничто не связывает, насколько мне известно! И слава богу!

– Кто тебе сказал?

– Ты говорил всегда. И я была уверена. Разве не так?

– О-ох!.. – все, что и оставалось Ивану Игнатьевичу. Да, он нигде не афишировал своих контактов с Силиным. Но теперь уже скрывать от жены служебные тайны не было причины.

Он рассказал ей о том, как Ефим на его капиталы приобрел пакет акций собственного предприятия, что эти акции были записаны на имя Силина, поскольку посторонние лица в ЗАО не допускаются, и, наконец, что Силин, лишившись своих собственных акций, отдал в чужие руки и те, что принадлежали ему, Ивану Шацкому.

Кажется, до супруги дошло.

– Там... была большая сумма? – осторожно спросила она.

– Очень, – вздохнул Иван.

– Ну сколько? – Ее настойчивость злила.

– Триста тысяч. Устроит?

– Всего-то? – хмыкнула она.

– Долларов!

– Боже! Откуда у тебя такие деньги?! – даже испугалась она.

– Это не мои. Это средства фирмы.

– И как же ты намерен их вернуть? В суд, что ли, подать?

Эти ее ментовские заморочки выводили его из себя. Но нужно было терпеть.

– Чтоб подать в суд, надо знать – на кого. А потом, я ж тебе объяснил, что записаны они на Ефима. И только он один может ими распоряжаться: продавать, покупать, это хоть ясно?

– Не злись, – примирительно сказала жена. – Я понимаю, тебе нелегко, но... рассосется. Давай я и вправду позвоню Элке. Пообедаем вместе, поговорите. Господи, ну надо же такое?!

Телефон на Комсомольском не отвечал. Уж не случилось ли и с ней чего-нибудь, предположил было Иван Игнатьевич. Татьяна лишь неопределенно пожала плечами. Кажется, она догадывалась, где и с кем могла до сих пор находиться младшая сестричка. Вот же мерзавка!

Повторные звонки через час и еще через полчаса тоже ничего не дали. Молчал и автоответчик. Либо она его вообще не включила, либо с телефоном не в порядке, либо... Напрашивались самые скверные мысли.

Иван предложил прокатиться до Комсомольского, благо от Таганки по кольцу – без проблем. Но Татьяна почему-то была уверена, что Элка дома, и не одна, а потому и не снимает трубку. Вообще бы устроить ей хорошую порку, закатить скандалчик – по-семейному, да неловко перед посторонними. Таковыми Татьяна

считала своего благоверного и, естественно, этого Турецкого, который и сам с ходу положил глаз на девку. Словом, похоже, спелись. Ну никакой совести!..

А в голове Татьяны тем временем зародился хитроумный план, такой заковыристый, что не всякий разберется. Зная, что начальник по субботам всегда на службе, она позвонила в приемную МУРа. Трубку сняла Людмила Ивановна, как обычно.

Татьяна спросила, не сильно ли занят Вячеслав Иванович, а то у нее возникли некоторые детали по вчерашнему разговору. Секретарша поняла, попросила подождать, а потом Татьяна услышала голос Грязнова:

– Слушаю, Татьяна Кирилловна, какие проблемы?

– Извините, мне неудобно вас беспокоить, но... понимаете, я хотела бы посоветоваться с товарищем Турецким. Приехал из командировки мой муж и сообщил новые факты. Как бы мне это сделать? И еще, удобно ли беспокоить сейчас Александра Борисовича?

Любого могла бы провести она, но не Грязнова. Быстро сопоставив одно, другое, третье, Вячеслав Иванович сообразил, что, скорее всего, не Саня нужен женщине, а ее собственная сестра и подозрения Татьяны на сей раз небезосновательны. Ай да сестрички! Но ответил предельно серьезно, будто он забыл, что как раз Турецкий никакого отношения к делу, с которым вчера явились дамы, не имеет. А если и имеет, то в сугубо личном плане.

– Вряд ли вы, Татьяна Кирилловна, сможете найти в ближайшие часы Александра Борисовича. Да и собственную сестру – тоже. Дело в том, что они поехали за город, на ту дачу, что имеется у Силиных по Калужскому шоссе. Александр Борисович предложил на всякий случай проверить. Обещал оттуда позвонить. Не исключаю, что, если его подозрения подтвердятся, мне придется тоже туда смотаться. А что вы сказали о новых фактах, которые сообщил ваш муж?

– Видите ли, Вячеслав Иванович, эти факты касаются скорее деловых взаимоотношений наших мужей, и связи с пропажей Силина они не имеют. Но я подумала...

– Смотрите, как считаете лучше. Вам место в моей машине всегда найдется. Если захочет супруг, найдем и ему. Так что звоните. Я пока на месте.

Татьяне показалось, что предложение Грязнова прозвучало как-то двусмысленно, и задумалась: надо ли именно так его и понимать? Известие об Элкиной поездке, конечно, меняло дело в корне. Но с другой стороны, с какой это кстати «важняк» из Генпрокуратуры забросил все свои дела и помчался решать Элкины проблемы? Ведь нет еще ни уголовного дела, ни даже заявления. Или и этого Элка успела охмурить?..

Иван пытался разобраться в услышанном. Ну Грязнов – понятно. А при чем здесь какой-то Турецкий?

Татьяна, продолжая думать о своем, небрежно пояснила, что он вовсе не «какой-то», а государственный советник юстиции третьего класса, или, говоря военным языком, генерал-майор. Кстати, достаточно молодой и очень симпатичный. И надо бы спасибо сказать, что он, видимо, взялся-таки помочь Элине в ее беде. Не как другие, которые только о себе и думают.

Шацкий кивал, а потом, когда она замолчала, выдал вдруг такое, отчего у Татьяны словно помутилось в глазах:

– Это надо понимать, что у Элки появился очередной ё...? На молодых и симпатичных потянуло? А муж – хрен с ним! Побоку?!

– Прекрати! – в необъяснимой ярости выкрикнула она, чувствуя, что ее душит спазм. – Дурак бессовестный! Свинья! На себя посмотри, скотина!

Он оторопел.

– Эва-а... – протянул в растерянности. – Гляди, как далеко зашло-то... Ну извини-и... А ведь верно говорят, что у голодной куме только хер на уме. Надо же! – И быстро вышел из комнаты.

А несколько минут спустя, в течение которых Татьяна бессильно сидела на стуле, громко и страшно хлопнула входная дверь.

И Татьяна снова отчаянно зарыдала, вжимая кулаки в мокрые глаза и понимая, что вызван этот поток слез не хамством мужа, а ее собственной ненавистью и завистью к той суке, к которой он наверняка и ушел.

Ну ушел – и ушел! Может, оно и к лучшему...

Весь день телефон молчал.

Татьяна бесцельно слонялась по квартире. Пробовала смотреть телевизор, тут же выключала. Хотелось тишины. Наконец, когда стало уже смеркаться, раздался звонок. Это был Грязнов.

– Татьяна Кирилловна, а ведь мне придется сообщить вам неприятную новость... Сестра не звонила?

– Нет. А что – с ней что-нибудь?!

– Там-то все в порядке. Александр Борисович обнаружил-таки тело Силина. Со следами жесткого допроса. Как сказал судмедэксперт, недельной давности... Такие вот пирожки, дорогая моя. Примите соболезнования.

– А Элла – что?

– Переживает, естественно. Супруг ваш как?

– Не поняла.

– Ну я в том смысле, он как, делу помощник?

– Да какой, к черту? Извините, Вячеслав Иванович. Нету его уже. Укатил со своими проблемами.

– Ясненько. Ну тогда вы мне напишите заявление по поводу похорон, дам, сколько потребуется, дней и прочее. Будут трудности, звоните. Извините за беспокойство. А Элина должна тоже вот-вот подъехать.

– Вячеслав Иванович! – она воскликнула, будто испугалась, что Грязнов сейчас положит трубку и в доме опять воцарится мертвая тишина. – Простите... Я хотела спросить: известно уже, кто его так?

– Могу только предположить. Крутые ребята. Отморозки.

Шацкий маялся от невнятной тоски и вынужденного безделья. Лилька охотно приняла его: выходные были для нее пустыми днями. Его неожиданное появление – визит накануне был скорее традиционным, профилактическим, – да еще с дорожной сумкой в руках, с которой он обычно летал в командировки, подсказывало бывшей супруге, что Ванька наверняка сбег от сварливой милиционерки. И потому она, исключительно из застарелого чувства мести и когда-то ущемленного самолюбия, решила во всей полноте продемонстрировать незадачливому супругу, что он потерял, переметнувшись от нее к более молодой. И уж постаралась!

Представив на минутку предыдущее его посещение в качестве разминки перед длительным сафари или как легкий перекусон в «Макдоналдсе» перед пышным обедом в ресторане «Обломов», она устроила Шацкому такое пиршество, что он полностью отключился от всех своих служебных проблем. А его собственная месть жене показалась ему куда как сладкой. Так что, можно сказать, партнеры в своей яростной взаимной аргументации оказались вполне достойными друг друга...

Но – проходит ночь, наваливается закономерная усталость. И при ярком дневном свете лишенная макияжа стареющая кожа и явные морщинки при ближайшем рассмотрении делают страстное лицо подруги не столь привлекательным и возбуждающим, как давеча. А искусственно взбадривая себя, как бы насилуя желание, недолго дойти и до пресыщения, и уж тогда, как говорится, никакой подъемный кран не поможет. Лилька же, словно пожилая мадам из анекдота, вероятно, решила, что в последний раз, и та-а-кое вытворяла! Ха! Да кинуть все, забрать деньги и смыться к чертовой матери... подальше от всех!..

Из этого странного состояния – полубреда-полусна, перемежающегося вспышками окаянной страсти, – его, как ни странно, вывела сама Лилька. С некоторым пафосом она сообщила ему, что все его желания и даже капризы с лихвой перевыполнила, а теперь следовало бы и ему подумать о том, как

наградить ее старания.

О гонораре, что ли, речь? Он сперва не понял, показалось – шутка. Нет, всерьез.

– И сколько ты хочешь? – спросил, изумляясь, как примитивно просто бывшая жена, а теперь любовница, которую он содержит, платя ей на фирме огромные деньги, превратилась в обыкновенную проститутку. Ну пусть не в самую обыкновенную, пусть в изысканную, с причудами, которой больше нечего бояться, да и терять, в сущности, нечего, но... ах, черт?

Она повела своими еще роскошными обнаженными плечами, будто услышала ну совершенно идиотский вопрос – это ж надо: сколько!

– Ты и сам уже мог бы догадаться. Речь не просто о деньгах!

– Значит, о больших?

– Об очень больших... – томно прошептала она, снова горячо наваливаясь всем телом и тем наставляя в бессчетный раз на путь истинный.

Отдышавшись и получив возможность соображать, он наконец понял, что речь не о финансах, а о нем самом. Лилька возмечтала вернуть беглого мужа в собственное лоно. И навсегда. Похоже, и она не переоценивала свои уходящие прелести, слава богу, здоровье не подводит, да и опыт стоит немало, – значит, есть еще достоинства. И если он посмотрит на вещи реально, лучшего выхода для него нет. Вот тогда и он, и его деньги – все окажется здесь, в ее доме. От добра, как известно, добра не ищут.

И Шацкий подумал, что, возможно, она права. Чего ему дурью маяться? Ну погуляли, отдохнули друг от друга... И что, лучше стало? Кому?

– И шило на мыло не меняют! – нравоучительно заметила она, даже и не подозревая, что повторила недавнюю, высказанную им самим догадку.

Но если оба согласны, чего тянуть?! Надо немедленно отпраздновать нестандартное решение!

И они закатили себе праздник, каких очень давно уже ни у нее, ни, разумеется, у него не было. Как в молодости. Как в первый раз!

Или как в последний раз?

Утро понедельника он встретил выжатым досуха. Но при этом победно сиял. И было отчего: Лилия Михайловна порхала вокруг него и непрерывно щебетала. Странное дело, может, впервые за прошедшие годы Иван Игнатьевич, с улыбкой наблюдая за ней, не испытывал ни малейшей тяжести. Она же, словно светясь изнутри и снаружи, признавалась, что тоже давно уже не испытывала такой опаляющей душу полноты ощущений. Пошутили, припоминая, где, согласно анекдоту, находится человечья душа...

Но утренняя эйфория поневоле уступала место суровому житейскому прагматизму.

Шацкий не стал рассказывать новоявленной жене о своих проблемах, полагая, что в силах справиться с ними самостоятельно. Она тоже не спрашивала, но, зная, что у него далеко не все гладко, готова была на любой подвиг. И самое главное, верила, что это возможно. Вот с таким ощущением абсолютной готовности сразиться с судьбой, а заодно и начать жизнь заново они и отправились в офис.

После непрерывного двухдневного кайфа проблемы силинской фирмы, как и сам он, переместились на второй план. Это не значило, что они стали менее серьезными. Но появилось чувство какой-то фатальной неизбежности происходящего. Может быть, оттого, что в последние годы слишком все складывалось для него удачно в бизнесе. Тогда что это? Первый звонок? И об этом следовало очень и очень подумать...

Главными же делами оставались взаимоотношения с коммерческим банком «Деловой партнер», а точнее, с его президентом Олегом Авдеевым, без личного указания которого, как он любил повторять, даже петух не кукарекнет.

Будучи человеком со значительным деловым опытом и обладая огромными связями в финансовом мире, Олег Никифорович, опять-таки по его же утверждению, никогда и ни при каких обстоятельствах не участвовал в сомнительных банковских операциях. Ну да, разумеется! Ведь для не самых

чистых дел – о чем прекрасно был осведомлен Шацкий – Авдеев имел ряд фирм: дочерних, внучатых и прочих, которым можно было поручить решение эксклюзивных, скажем так, финансовых вопросов, чтобы затем задействованная фирма спокойно растворилась в небытии. Метод не новый и отлично уже испытанный в условиях российского экономического беззакония.

Такого же типа, кстати, была и фирма «Омега», принадлежащая советнику уральского губернатора Артуру Геллеру. Но ведь коллеги же не подводили друг друга, делая общее дело и зарабатывая при этом себе на молочишко – в переносном смысле. Не возникало у Шацкого сомнений и относительно действий Олега Авдеева: ход-то был уже отработанный. Смущало, правда, его отсутствие в Москве. Но буквально все предугадать трудно. Может, и в самом деле что-нибудь со здоровьем, хотя мужик он крепкий и солидный, как и подобает быть серьезному банкиру.

Из своего офиса Шацкий связался с юридической службой «Делового партнера» и договорился с начальником юротдела о встрече во второй половине дня для обсуждения некоторых деталей общего проекта. Так они именовали операции по обналичиванию денег. Первую же половину он решил все-таки посвятить выяснению обстоятельств смены руководства в «Алко-сервисе» – настолько, насколько это вообще будет возможно. Себя в данной ситуации он готов был представить как юридического консультанта прежнего руководителя. Нейтральная такая позиция, хотя и имеющая свой собственный интерес. В любом случае такой ход не должен вызвать подозрений или там опасений у тех, кто неправедным путем – а теперь, после информации Татьяны, это видно и невооруженным глазом, – захватил власть и присвоил чужие деньги. Когда знаешь, с кем имеешь дело, можно и о дальнейших шагах подумать...

И Шацкий, исключительно на свой страх и риск, отправился в Южное Бутово.

Наглых охранников, которые в прямом смысле выперли Шацкого в прошлый раз из проходной, не было. Вежливый молодой человек, лицо коего показалось Шацкому почему-то знакомым, поинтересовался, кто он, к кому и зачем, попросил предъявить документы, лучше паспорт.

Иван Игнатьевич, не вдаваясь в родственные отношения с Силиным, объяснил, что его фирма оказывала Ефиму Анатольевичу некоторые юридические услуги.

Вот, собственно, по этому поводу...

Охранник, будто он служил как минимум в Кремле, полистал паспорт, закрыл окошечко, разделявшее его и посетителя, а затем поднял телефонную трубку. Разговор его был коротким. Через минуту он снова открыл раму окошка и протянул Шацкому паспорт.

– Пройдете прямо, слева увидите двухэтажное помещение. Юридическая служба на втором этаже. В связи с пожаром у нас тут произошли некоторые перемещения.

О юристах Шацкий сказал просто так, чтоб его визит не выглядел праздным любопытством, а вообще-то он хотел пройти к новому руководству, если таковое на месте, и задать несколько чрезвычайно важных для себя вопросов. Поэтому он ничего не стал уточнять у охранника, а с готовностью кивнул и забрал свой паспорт. Вернувшись к машине, сел за руль, охранник поднял полосатый шлагбаум, и Шацкий въехал на территорию базы.

Здесь вовсю кипела работа. Оглушал непрерывный грохот отбойных молотков, визжала электропила. Шел экстренный ремонт сгоревших помещений: вывозили перекрученные конструкции и горелые обломки дерева, разгружали с прибывающих трейлеров пиломатериалы, огромные оконные рамы, трубы и прочую строительную фурнитуру, повсюду мелькали белые и оранжевые каски строителей. Видно было, что за дело тут взялись всерьез. Старое помещение базы, похоже, отходило в глубокое прошлое, подобно ее прежнему хозяину.

Шацкий знал, где находится кабинет гендиректора: Силин говорил. Но еще ни разу не бывал здесь. Все дела и разговоры вершились ими в более подходящих для этого условиях, чаще всего в домашних, на Комсомольском, наедине. Элину в расчет не брали, поскольку ее интересовали исключительно собственные проблемы.

И теперь, поднимаясь на второй этаж по обшарпанной лестнице и мельком осматривая неуютный интерьер со следами былой наглядной агитации на потрескавшихся стенах, Шацкий лишь укоризненно качал головой, зная, но не веря, что здесь, в этих загаженных мухами кабинетах, ворочали живыми миллиардами. И от этих миллиардов имели свои жирные куски и таможня, и милиция, и многочисленные чиновничьи службы. Ну да, конечно, ведь алкоголь

по объемам прибыли стоит рядом с наркотиками и торговлей оружием. Так что же все-таки здесь произошло?..

Первое, что его действительно поразило, была золоченая табличка на добротной двери, в отличие от своих стандартных фанерных «соседок» обшитой искусственной кожей: «Генеральный директор С. О. Авдеев». Вряд ли такое совпадение могло быть случайным. «О» здесь явно тянуло на «Олеговича». А какие еще есть имена на букву «о»? Орест? Ну, знаешь ли!..

В приемной сидела секретарша – из тех, что обычно в свободную минуту служат подстилками «новорусским» бизнесменам невысокого пошиба. В приемной было довольно жарко, и все на этой независимой голенастой девке было мини – мини-блузка, мини-кофточка, мини-юбка, вероятно, и остальное, включая мозги.

Она вопросительно уставилась на вошедшего. Шацкий подошел. Молча протянул свою визитку, где было написано все главное о нем. Девушка прочла, отложила в сторону и сказала, что генеральный сейчас со строителями. Должен вот-вот вернуться. Поинтересовалась также, назначено ли ему?

Шацкий ответил, что имел дела исключительно с прежним президентом, сознательно понижая нынешнего в должности, и объяснил, что его визит – лишь результат обычной вежливости. Вероятно, посетитель, не связанный с просьбами, опасности не может представлять. Решив так, девушка предложила подождать. Шацкий присел на стул у окна. Не удержался и от вопроса, давно ли она здесь работает и знала ли прежнего начальника.

Девушка равнодушно пожала плечиками и ответила, что работает у Сергея Олеговича первую неделю. Вот как! Это уже было для Шацкого нечто. И он решился на следующий вопрос:

– Простите, может быть, вы в курсе? Сергей Олегович имеет какое-либо отношение к Олегу Никифоровичу, президенту банка «Деловой партнер»?

– Это его сын.

– Ах вот как! – улыбнулся Шацкий, но сердце его отчего-то тревожно забилось. Ой, не к добру...

«Сынишка», как сразу мысленно окрестил нового гендиректора Иван Игнатьевич, появился минут через сорок. Он вошел не один, а со спутником, который произвел не самое лучшее впечатление на Шацкого.

Ну, во-первых, сам: молодой, не старше двадцати пяти – это если учесть, что папаша его, как известно, совсем недавно широко отметил свой полувековой юбилей, – высокий, не в папу, и крепкого телосложения. Далее – черные джинсы, темная майка и грубосвязанный свитер с широким вырезом. Модная трехдневная небритость. Словом, типичный портрет удачливого бизнесмена российского розлива.

А вот спутник его был полной противоположностью: сухощавый и невысокий, одетый в недорогой костюм, выбритый и внешне ухоженный, но пальцы! Сплошняком в синих татуировках, такое и не придумать... И держался он независимо, в дальнейшем ни взглядом, ни жестом не показав молодому хозяину, что по любому из названных вопросов у него имеется собственное мнение. Молчал и смотрел в сторону.

Секретарша кивнула «сынишке» на посетителя и, привстав, подала визитку Шацкого. Парень прочел, небрежно протянул спутнику. Тот взглянул и молча отвернулся к окну, будто это его не касалось.

– Чем обязан? – равнодушно процедил парень.

– Позвольте в свою очередь вопрос? – улыбнулся Шацкий, поднимаясь. – Как здоровье Олега Никифоровича? А то я интересовался на прошлой неделе, но ничего вразумительного никто не сказал. Он в самом деле полетел отдохнуть на Багамы?

– А... вы... – несколько растерялся «сынишка». – Собственно, почему?

– Вы можете быть не в курсе, поэтому извините. Мы с вашим родителем являемся партнерами по делу... ну, в общем, по так называемому уральскому траншу.

– А-а-а! – вспомнил парень. – Чего ж сразу-то не сказали? Знаю, как же!.. А я не врубился! Не, это у бати дипломатическая болезнь. Все тип-топ, ну есть, конечно, проблемы. Чего мы стоим, пошли! – И он жестом показал на дверь в

свой кабинет. – А у вас, – он взглянул на визитку, – Иван Игнатьевич, какие проблемы?

– Я бы сказал, личного характера... Должен признаться, что мне будет очень приятно сотрудничать с сыном глубоко уважаемого мной человека. – «Сынишка» никак не отреагировал. – А суть проблемы вот в чем. Господин Силин, ну бывший руководитель данного предприятия, в свое время предложил мне одну сделку. В прошлом году на «Алко-сервисе» в силу ряда обстоятельств, не будем сейчас вдаваться в подробности, появился пакет свободных акций. Короче, он предложил мне их купить, что и было сделано.

– На каком основании? – сухо спросил «сынишка».

– На родственных основаниях. Мы женаты на родных сестрах, понимаете? Но так как среди пайщиков моя фамилия не могла фигурировать, мы заключили с ним соглашение, и акции были записаны на его имя. Поверьте, Сергей Олегович, мне нет дела до стратегии нового руководства предприятия, однако некоторые тактические, так сказать, вопросы мне хотелось бы уточнить. И первый из них: я совсем не хочу терять собственных средств, вложенных в процветающее предприятие. Это логично?

– Более чем... – как-то непонятно промычал «сынишка» и взглянул на «татуированного», как назвал про себя Шацкий спутника гендиректора. Но тот даже и не обернулся к шефу. Или кто он там ему? Просто поразительная наглость. А может, так оно и должно быть? Ведь говорила Татьяна, что Фимку поймали в Германии какие-то русские уголовники...

– Раз вы меня понимаете, – Шацкий даже руку предупредительно прижал к сердцу, – я бы хотел иметь хоть какую-то ясность. На что могу рассчитывать? И прочее.

– Вы сказали, что у вас был написан какой-то договор? – спросил гендиректор, что-то помечая на настольном календаре.

– Было дело... – улыбнулся Шацкий. – И договор, и подписи. Разве что к нотариусу не ходили. Ну скажите, вы бы, к примеру, стали заверять в нотариальной конторе свою расписку, если бы Олег Никифорович дал вам определенную сумму денег? Да никогда в жизни! Потому что нормальные люди!

Родственники!

Сергей Олегович, это уже видел Шацкий, настойчиво призывал взглядом «татуированного» принять участие в разговоре. Хоть словом, ну хоть советом, что делать, как быть, что обещать? Но тот полностью игнорировал потуги молодого гендиректора. И это могло обозначать лишь то, что «татуированный» в гробу видел все заботы и проблемы «сынишки». Кто же он тогда в этой компании? Напрашивались самые нехорошие подозрения. И Шацкий в глубине души уже сожалел, что, может статься, не совсем обдуманно открыл им свои карты. Как бы это не кончилось худо...

Наконец, видимо, Сергею Олеговичу надоело гипнотизировать строптивного уголовника, и он принял собственное решение.

– Давайте так. Ну сейчас вы видите, что тут творится! Голова кругом. После пожара надо приводить помещение в порядок. Подыскиваем временные склады и так далее. Предлагаю собраться в этом же составе в конце недели. В пятницу. Вы приносите с собой ваш договор с Силиным. Мы его смотрим и обсуждаем. И принимаем решение, какую часть можем вернуть сразу, а что – позже. Или любые иные варианты. В том числе и дальнейшего сотрудничества. Лады? Ты – как? – Он обернулся к «татуированному».

Тот лишь пожал плечами, что должно было выражать его согласие.

– Вот и договорились, – закончил бодро уже «сынишка», поднимаясь из-за своего письменного стола. – А насчет бати... Он в самом деле отъехал. Недалеко, под Москву. Как раз к пятнице хотел вернуться. Если хотите, передам от вас привет, когда буду звонить.

– Сделайте одолжение, – кивнул Шацкий, пожимая руку новому гендиректору. – Рад был познакомиться. Значит, до пятницы? Всего доброго, – кивнул он «татуированному», на что тот, не оборачиваясь, ответил таким же кивком, будто видел затылком...

«Черт возьми! – сказал сам себе Иван Игнатьевич, спускаясь по лестнице. – Это очень напоминает бандитский вертеп!» И снова всплыла тревожная мысль, что он совершил большую ошибку...

Он сел в машину, включил зажигание, прогревая двигатель, и подумал, что в будущую пятницу, скорее всего, не приедет сюда. И уж точно никому не покажет договора с Фимкой, которого у них отродясь не было. Ну а если бы был, так что? Кому этой бумажкой в нос тыкать? Кто в нее поверит? Это ж все было с самого начала незаконно. А «сынишка», вишь ты, даже заволновался малость, полагая, что бумага эта может оказаться нехорошей для него...

В общем, теперь Ивану Игнатьевичу ясно стало одно: дело здесь уголовное и надо постараться быть от него подальше. Но при чем тут Авдеев-старший?..

Все еще размышляя об этом, Шацкий подъехал к воротам, махнул рукой выглянувшему охраннику, тот узнал и поднял шлагбаум. Уже выезжая на Варшавское шоссе, Шацкий вдруг увидел несколько милицейских машин с мигалками. За тремя полосатыми «Жигулями» следовали два ПАЗа, за окнами которых были видны головы людей в камуфляжных шлемах. Весь караван дружно повернул в улицу, из которой только что выехал Шацкий, и понесся вглубь.

А ведь этот въезд ведет напрямик к базе, сообразил как-то отстраненно Шацкий и остановил машину. Выбрался на обочину и стал глядеть в ту сторону, откуда приехал. Там, вдали, автобусы остановились, и из них посыпались фигурки, похожие и на ОМОН, и на СОБР, и на спецназ, и вообще черт знает на что, с чем никогда не рекомендуется сталкиваться в жизни.

«С чего бы это? – задумался Шацкий. – Неужели все только начинается?» И он, никогда не веривший ни в каких богов, истово перекрестился, благодаря Его за то, что вовремя избавил от разборки, похоже, слишком крутых ребят...

А новый генеральный директор фирмы «Алко-сервис», проводив взглядом из окна отъехавшего посетителя, обратился к «татуированному» своему молчаливому спутнику:

– Слышь-ка, Синий, – такую кличку получил в свое время на зоне Леха Грызлов, отмотавший первый из двух своих «червонцев», – ты вообще знал об этом хрене? Или у меня такие сюрпризы будут теперь каждый день?

– Не хипеши, Серега, – ответил тот спокойно. – Ты со своим собственным паханом разберись: нужен он ему?

– Но ты ж уверял, что все будет чисто!

– Да заглохни! Его вырубить, как два пальца... Сами базарьте. Эй! Бля буду, цинк! – Синий вскинулся у окна и тут же отпрянул. – Так, я в дубари не нанимался! – И он скользящим, неслышным шагом быстро покинул кабинет гендиректора, только дверь колыхнулась за его спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/neznanskiy_fridrih/prosrochennaya-viza

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)